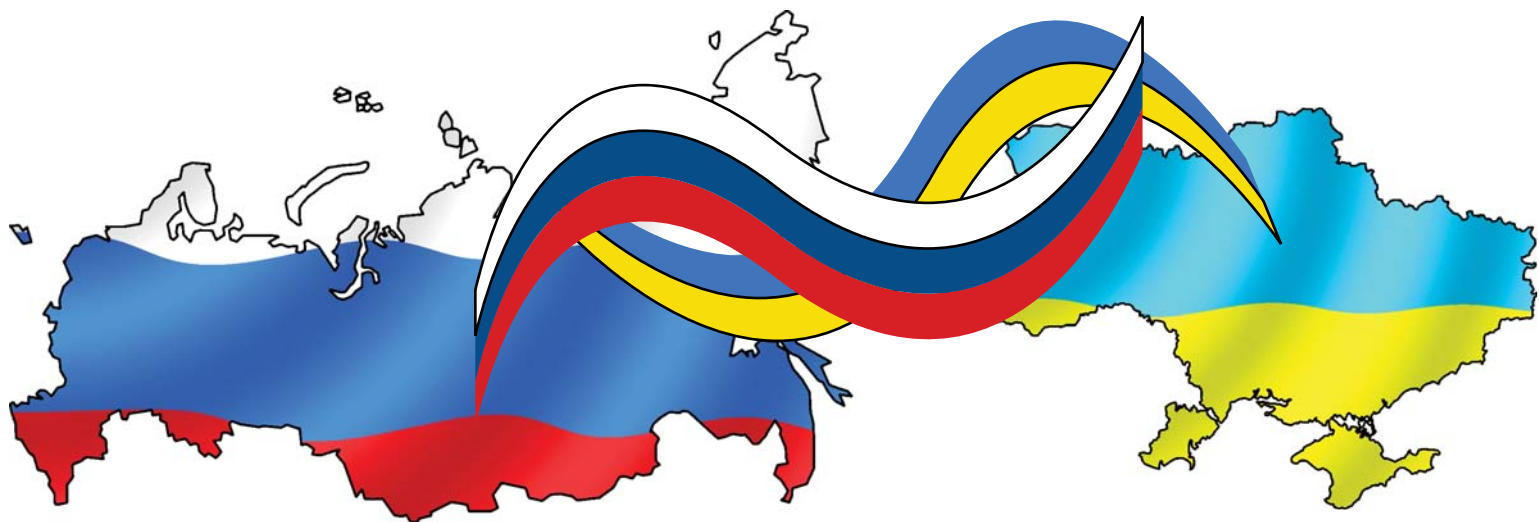

Международная конференция

Россия-Украина: **новый вектор сотрудничества**

Октябрь, 2010

Украина, Ялта

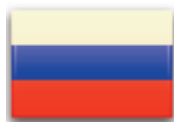

Тесная взаимосвязь России и Украины обосновывается как их геополитическим положением, так и многовековой историей, общей судьбой, повлекшей за собой тесное переплетение этнических, языковых связей. Миллионы людей наших стран связаны родственными да и просто человеческими отношениями. Россию и Украину объединяют единые социально-экономические факторы.

В последнее время отношения Москвы и Киева стали стремительно улучшаться. Оттепель в российско-украинских отношениях заставила стороны заново присмотреться к ранее забытым совместным проектам в экономике, науке, культуре, где, как известно, у двух стран есть вполне очевидные исторические взаимные преимущества и связи. Поэтому вполне своевременно и обоснованно поднимать вопросы о выработке новых механизмов для развития и углубления отношений многостороннего партнерства между нашими странами.

В Международной конференции «Россия-Украина: новый вектор сотрудничества», организованной журналом «Международная жизнь» при поддержке МИД России, принимали участие государственные и общественные деятели, политологи, дипломаты, руководители СМИ, учёные, социологи двух государств. Они обсудили актуальные проблемы. Одна из главных задач данной конференции - поиск концептуальных и методологических подходов к изучению нового состояния российско-украинских отношений.

1

«Российско– украинские отношения: приоритеты и ресурсы новой политики»

Армен Гарникович Оганесян, Главный редактор журнала «Международная жизнь»:

Нам иногда кажется, что мы читаем классику, но на самом деле классика читает нас. Также и история: нам иногда кажется, что мы читаем историю, узнаем о ней из книг, из учебников, а на самом деле — история читает нас. Многие из того, что решалось в прошлом, в частности, в этом замечательном здании, в этом зале, даже за этим столом, тоже имеет историческое значение. И, кстати, здесь в феврале мы проводили Круглый стол, посвященный 65-летию Ялтинской конференции. Я хотел бы, прежде чем мы приступим к дискуссиям, напомнить вам тему «Российско-украинские отношения: приоритеты и ресурсы новой политики». Я бы очень хотел, чтобы наш разговор был конструктивным, чтобы мы внесли свой посильный вклад в представление и

видение того, как будут развиваться отношения между Россией и Украиной. У нас всё для этого есть: все участники, не один день и не месяцы, а уже годы, занимаются вопросами российско-украинских, украино-российских отношений. Причём, на разных их этапах, которые отличались и политической, и, если хотите, психологической сложностью.

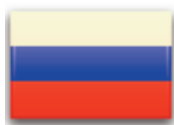
Я представляю участников с российской стороны, Владимира Павловича Казарина попрошу представить участников с украинской стороны. Сергей Александрович Марков — политолог, депутат Государственной Думы, заместитель председателя думского комитета. Владимир Константинович Мамонтов — президент издательского Центра «Известия». Александр Сергеевич Ципко — тоже известный политолог и главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор философских наук. Владимир Андреевич Орлов — директор Центра политических исследований (ПИР-Центр). Здесь среди издательской продукции есть и его журнал «Индекс безопасности» — очень интересный, я не так давно стал его читате-

лем. ПИР-центр является площадкой для многих конференций и встреч. И я очень рад, что Владимир сегодня с нами. Владимир Леонидович Жарихин — заместитель директора Института стран СНГ. Олег Александрович Горбунов — политолог, сотрудник Центра стратегического моделирования развития. Алексей Константинович Пушков — автор и ведущий программы «Постскриптум» на ТВЦ.

Владимир Павлович Казарин, первый заместитель Постоянного представителя Президента Украины в Крыму:

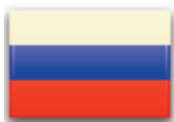
Как депутат парламента Крыма хочу поздравить нас всех с тем, что мы сегодня собрались здесь на этот Круглый стол. Ещё как депутат Верховной рады Крыма хочу пожелать успехов нам всем в работе. В Ливадийском дворце всегда горячее время. Здесь не бывает тихо. И дворец продолжает быть в центре самых разнообразных мероприятий. Если бы мы с вами

приехали на два-три дня раньше, или спустя четыре-пять дней, круглый стол стоял бы в музейной экспозиции, потому что здесь завтра будут смонтированы большие столы для участников саммитов министров обороны стран СНГ. С завтрашнего дня здесь будут введены уже режимные мероприятия. И послезавтра все министры будут решать свои оборонные проблемы. Пока идёт перемонтировка всего помещения для этого саммита, для нас с вами поставили этот исторический стол на его историческое место: именно здесь в 1945-ом году состоялась встреча лидеров стран антигитлеровской коалиции, посвящённых установлению послевоенного мирового порядка. Спасибо сотрудникам музея за то, что они сделали для нас такую привилегию. Армен Гарникович прав: этот стол - родной брат того исторического стола. К приезду

Никсона нужно было восстанавливать музейную экспозицию, подлинного стола не было. По чертежам 1945-го года точно такой же стол был сделан на Сочинской мебельной фабрике. Поэтому этот стол не подлинный, но абсолютная копия исторического стола, за которым заседали руководители СССР, США, Великобритании. Чтобы его не повредить, его покрыли поролоном для нашей конференции и накрыли зелёным сукном, чтобы мы музейной вещи не нанесли ущерба. Позвольте представить моих коллег с украинской стороны. Ваш покорный слуга - Владимир Павлович Казарин - первый заместитель Постоянного представителя Президента Украины в Крыму. Одновременно я - доктор наук, профессор, заведующий кафедрой Таврического университета имени В.И.Вернадского, в прошлом довольное

долгое время был проректором этого университета. Сейчас нахожусь на госслужбе. Кулик Виталий Александрович - очень крупный украинский политолог, директор Центра исследований проблем гражданского общества. Окара Андрей Николаевич - директор Центра восточно-европейских исследований, который работает в Москве и в Киеве. Кирюхин Денис Игоревич - политолог, директор Аналитического центра политических исследований и конфликтологии. Рад представить своего коллегу Шкейдера Олега Петровича. Он - историк, специалист по украино-турецким отношениям, один из вдумчивых крымских политологов. И Юрий Чумак - редактор газеты «Флаг Родины» Черноморского флота РФ. Это - севастопольская газета, издаётся в Крыму, и Юрий Чумак - один из главных журналистов и аналитиков газеты. Чубаров Ефат Абдурахманович - первый заместитель председателя Меджлиса крымско-татарского народа, Мальгин Андрей Витальевич - директор Центрального музея Тавриды; Форманчук Александр Андреевич - один из ведущих крымских политологов. На момент развала Советского Союза он был секретарём по идеологии рескома партии, работал в Верховной раде аналитиком, в Совете министров Крыма.

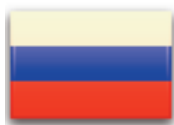
А.Г. Оганесян:

Прежде чем мы приступим к нашей дискуссии, я был бы не патриотом своего издания, будучи его главным редактором, если не скажу, что здесь на столах представлена наша продукция. Мы издаём журнал ежемесячно и у нас есть издания на английском языке. Совсем недавно у нас появились издания на французском, немецком, китайском языках. В этом году мы запускаем проект издания нашего журнала на испанском языке. И даже не столько на Испанию, сколько на Латинскую Америку: там у нас оказалась очень благодарная аудитория. Если кто-то заинтересуется, мы всегда с удовольствием бесплатно вышлем вам этот журнал в любом количестве на любых языках. Кроме того, у нас есть свой сайт не только на русском, но и на других языках. Да, кстати, сборник, который называется «История без купюр», очень интересен тем, что затрагивает малоизвестные страницы истории Великой Отечественной войны. Например, в Норвегии, как вы знаете, о военнопленных узниках вообще ничего не говорилось. Это было абсолютно белое пятно. Долгое время в Норвегии сознательно скрывался от общественности тот факт, что в застенках страдало более 200 тысяч людей. По-

добные факты - и драматические, и поучительные. В сборнике есть интересные размышления о том, как в Германии пытаются разделить понятия солдата Вермахта, который ни за что не должен нести ответственности (он, дескать, выполнял свой долг), и портрет этого самого солдата Вермахта по сохранившимся документам, чтобы не создавалось иллюзий у некоторых, что рядовой немецкой армии был благородным рыцарем, прообразом эдакого тевтона, который никаких преступлений против человечества на территории России, Украины, Белоруссии не совершал. Ну и так далее. И очень поучительна, я считаю, еще одна история. Мы как-то в советское время это обходили, - помните, в анкете была такая графа, были ли кто из родственников на

оккупированной территории. Мы как бы в моральном долгу перед теми людьми, которые были угнаны из России, Украины, Белоруссии на работы в Германию. Судьбы разные: и трагические, и смешные. И, тем не менее, эти люди уходят из жизни. Их скоро не будет, как и ветеранов. Поэтому то, что вместе с ними делают серию материалов, готовят документальный фильм, собирают пронзительные стихи этих людей, угнанных на работы в Германию, имеет даже не политическое, а человеческое измерение. Я считаю, что мы в долгу перед этими людьми.

Всё, я свой вводный экскурс, не имеющий прямого отношения к нашей конференции, прекращаю, и мы с вами начнём наш дискус.

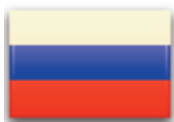

Сергей Александрович Марков - политолог, депутат Госдумы РФ:

Уважаемые коллеги, мне кажется, что выборы президента Украины 2010 года были одним из важнейших событий не только для Украины, но во многом и для России, которые создали политические условия для нового типа отношений. У нас в прошлое ушло основное количество конфликтов, которые навязывались предыдущей властью с целью создать искусственное такое пространство - дистанцироваться друг от друга. Идеология предыдущей власти была понятна: чтобы Украина была независимой, она должна быть независимой, прежде всего от России, желательно разорвать эти отношения, а чтобы их разорвать, нужно сформировать большое конфликтное поле. И оно интенсивно сформировалось в самых разных форматах. Кроме того, я полагаю, что частью идеологии этой «оранжевой власти» была идеология русофобии, которая, с моей точки зре-

ния, является одной из форм расизма. Я бы не хотел углубляться, но не могу не констатировать, что это было. Созданы политические предпосылки, но для того, чтобы развитие было, необходимо, чтобы эти политические предпосылки были использованы. Здесь я вижу несколько основных направлений сотрудничества. Есть политическая воля к сотрудничеству, а в каких направлениях мы могли бы двигаться... Я бы выделил три: экономическое, политическое, гуманитарное. В экономическом плане необходимо повышать взаимную торговлю, с перспективой создания зоны свободной торговли. Вы знаете, что президент отметил неплохой рост товарооборота - отчасти это связано с экономическим кризисом. Какая главная цель экономического сотрудничества? Мне кажется, их две. Первая - это повышение уровня жизни населения, вторая - переход к более высокоразвитому технологичному развитию. Думаю, мы не удовлетворены состоянием той экономической деградацией структуры, которое во многом создавалось при переходе к сырьевым отраслям: в России таких, как угольная, газовая, нефтяная, на Украине - химическая промышленность и

металлургия. Это тоже не самые высокотехнологичные производства, поэтому так необходим, подчеркиваю, переход к высокотехнологичному производству. Второе направление в экономике - это создание совместных корпораций в сфере высоких технологий. Заявлен ряд отраслей, прежде всего авиастроение. В этой области есть прекрасная возможность создать мощный холдинг. Дело в том, что во всём мире есть такое ощущение неудовлетворённости от того, что две мощные корпорации - Боинг (США) и Аэрбас (Евросоюз) - являются странами-членами НАТО и такой единой геополитической единицей. Очень многие хотели бы иметь доступ к альтернативным авиационным системам, к альтернативным авиационным продуктам. И с этой точки зрения, у России и Украины есть прекрасная возможность восстановить тот авиационный комплекс, который существовал ранее. Авиация, как вы знаете, это огромная сила - это не только авиационные заводы, это и институты, и университеты, определённые научные школы. Нарботки есть, - к счастью, не всё ещё до конца разрушено. Сейчас мы в области авиастроения находимся на пятом месте, от-

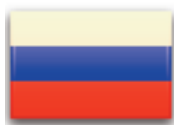
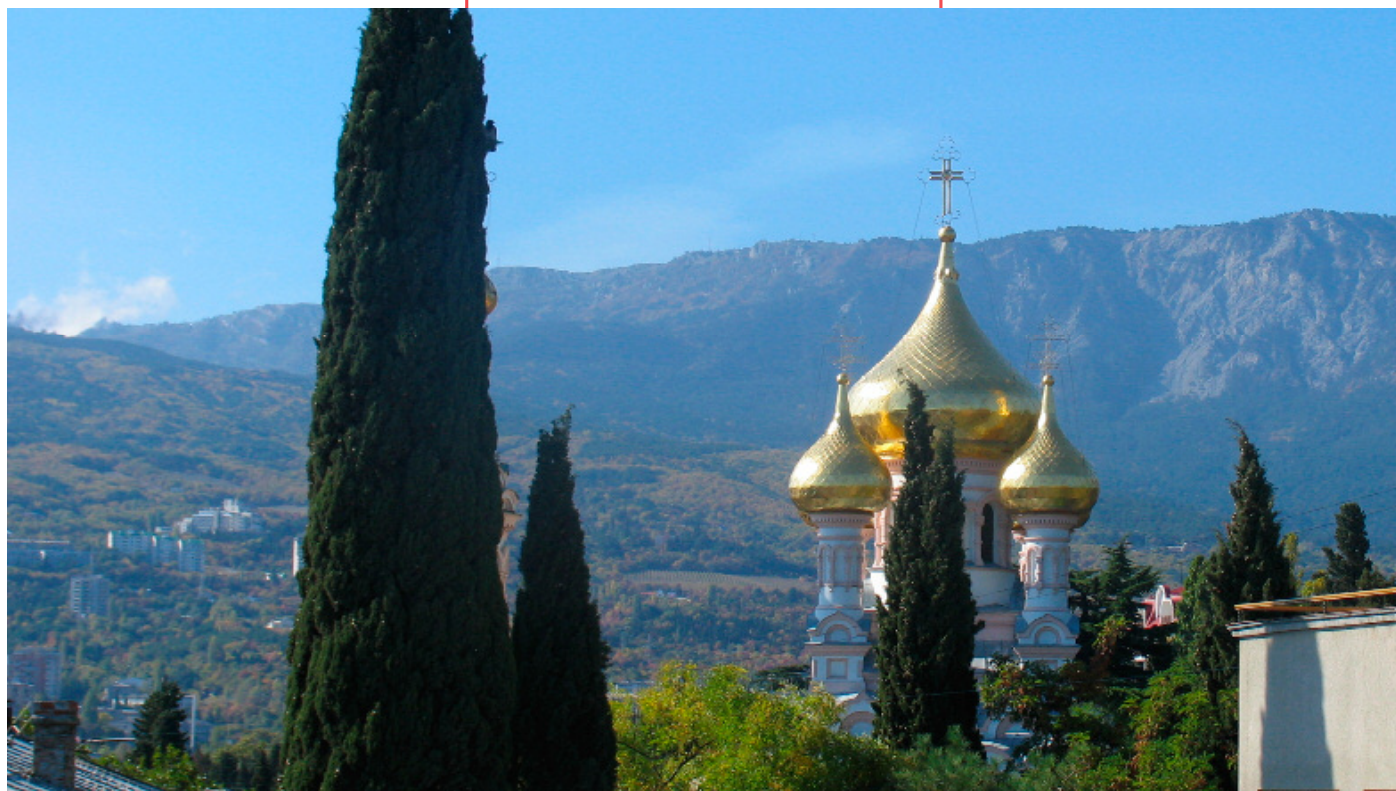

стаём от Бразилии и Канады. Но потенциал здесь есть, и представляете себе уровень доходов от самолётов?! Это несравнимо. Второе направление – судостроение. Многого нужно отрабатывать, но тоже воля есть – политическая. Третье – ядерные технологии. Четвёртое – военно-промышленный комплекс. И пятое – химическая промышленность. Уже практически работа началась, и я думаю, мы должны всячески поддерживать руководство в этом направлении и попробовать выделить с помощью специалистов другие высокотехнологические отрасли, в которых можно было создавать единые, совместные корпорации.

Следующее направление экономического сотрудничества – это сотрудничество на

рынках для увеличения доли прибыли. Речь идёт о том, чтобы не конкурировать, демпингуя, а наращивать общую прибыль, создавая своеобразные консорциумы. Наиболее очевидно выделяются военно-промышленный комплекс, где мы в предыдущие годы потеряли огромные ресурсы за счёт ненужной конкуренции; агропромышленный комплекс, прежде всего зерновое хозяйство. Россия, Украина и Казахстан контролируют примерно 25 процентов мирового зернового рынка – не производства, а продукции. Если бы они смогли наладить сотрудничество друг с другом, то речь могла бы идти об очень серьёзном производстве. Помимо агропромышленного комплекса, существуют прекрасные воз-

можности развития совместных институтов. Недавно наш коллега по Госдуме г-н Бабаков сделал хороший доклад, где говорил, что в общей сельхоззоне была развита хорошая система селекции культур как растениеводства, так и животноводства, но она оказалась во многом утерянной, но не полностью. Разные её фрагменты сохранились в разных странах. Что касается этого селективного хозяйства, которое, как вы знаете, в огромной степени является именно переходом от экстенсивного к высокотехнологичному хозяйству, то здесь есть возможность с минимальными экономическими затратами, проявляя только организованность и политическую волю, получить колоссальную прибыль для

Журнал «Международная жизнь»
при поддержке МИД России

Международная конференция **Россия-Украина:** новый вектор сотрудничества

17-21 октября, 2010
Украина, Ялта,
Ливадийский дворец - деловой центр «Россия»

сельского хозяйства двух наших стран. Также и в области металлургии. Наши металлургические предприятия во многом конкурируют друг с другом. Эту конкуренцию можно уменьшить путём сотрудничества на внешних рынках. Ещё раз хочу подчеркнуть, что для этого нужна, прежде всего, политическая воля.

Следующее направление экономики – это сближение законодательств для облегчения бизнеса. У наших стран были расхождения, но в данном случае и Россия, и Украина ориентируются на стандартные нормы Евросоюза. Стандарты и нормы – это то, что у Евросоюза можно взять без финансовых вложений. Страны ЕС потратили десятилетия, разрабатывая их, а мы легко можем этим воспользоваться. В

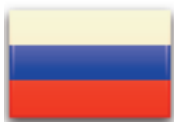
принципе, политические власти и в России, и в Украине договорились о том, чтобы импортировать эти стандарты и нормы, технические регламенты. Можно было бы создать совместную рабочую группу для того, чтобы эти технические регламенты максимально гармонизировать, добавив какие-то нюансы. Я полагаю, что с точки зрения институтов мы должны двигаться от свободной торговли к Таможенному союзу. Мы работаем в этом направлении. Мне кажется, что мы должны взаимодействовать с нашими украинскими коллегами, показывая им выгоду вхождения в Таможенный союз, ибо в сегодняшней современной экономике развиваться вне таможенных союзов совершенно невозможно. Иначе эта страна будет находиться в

углу, в депрессивном секторе. Надо, чтобы корпорации могли развернуться.

Зададим себе вопрос: какое таможенное объединение на планете Земля открыто для современной Украины? Открыты такие зоны свободной торговли, как североамериканская «Нафта», южноамериканская «Меркасур»? Нет. АСЕАН – нет; Евросоюз – нет. Очевидно, что нет. Никто не будет с востока Европы принимать в члены Евросоюза, а Евросоюз не будет формировать какую-то экономическую зону самостоятельно. Что касается зоны свободной торговли с Евросоюзом, то это является паллиативом, который, с моей точки зрения, большого серьёзного интеграционного объединения не представляет. В Евросоюз будет принято, очевидно, несколько стран западных Балкан, и всё.

Второй большой блок – это гуманитарное сотрудничество. Его главная цель – мне представляется, прежде всего, максимальное облегчение передвижения граждан. Этим занимается в Госдуме наша парламентская группа. Ко всему прочему, я являюсь сопредседателем российско-украинской парламентской группы дружбы, и эту цель мы поставили одной из главных. Очень рады, что эта инициатива была подхвачена

7

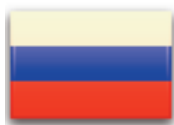

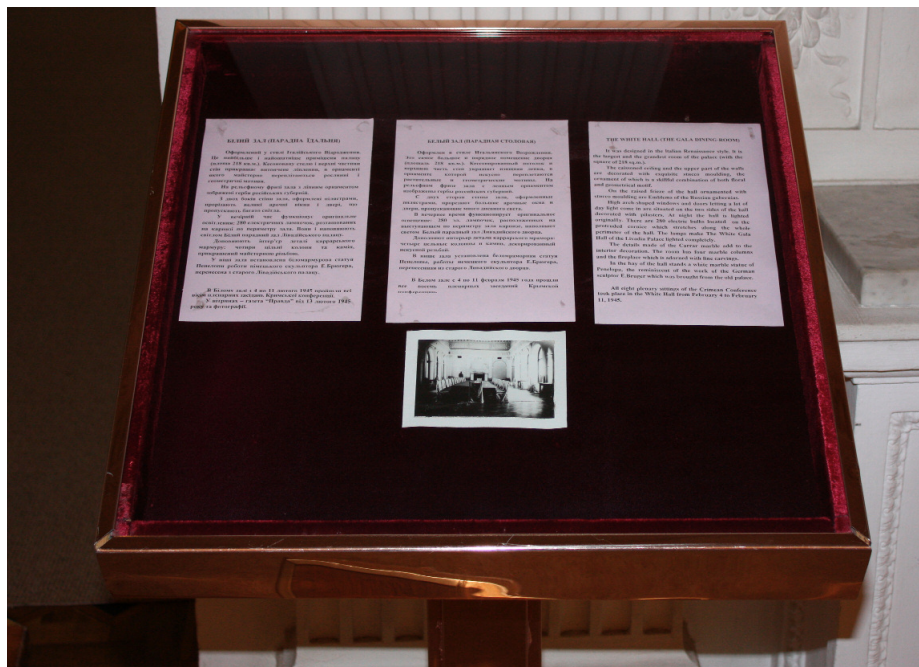
президентами России и Украины. Здесь довольно много должно быть сделано, мы должны уйти от ситуации, когда пограничные автомобильные переходы контролируются, по сути, объединёнными преступными группировками. Они включают в себя пограничников и таможенников обеих стран и непосредственно криминальные группировки, которые искусственно создают очереди для того, чтобы получать свою коррупционную прибыль. То есть, необходимо облегчить передвижение граждан. И Европа, которую мы хотим построить у себя, заключается в том, что гражданские права являются приоритетными, а интересы государственной бюрократии должны быть подчинены этим граж-

данским правам. Европа — это когда мы спокойно переезжаем из России в Украину, как переезжают люди из Германии во Францию. То есть, вместо того, чтобы пассажира четыре раза будили в поезде, просто помахал ручкой пограничному столбу, и все. Такую систему мы должны построить, конечно, для этого много предстоит сделать.

Важное направление гуманитарного сотрудничества — это сохранение цивилизационной идентичности (восточно-европейской, базирующейся на восточно-христианских ценностях), цивилизационного единства, которое ощущает большинство граждан России и Украины. Отсюда вытекает идея сохранения единства конфиденциального диалога

Русской и Украинской Православной Церкви, отсюда возникают такие вещи, как формирование общего информационного пространства, проблема русского языка. С моей точки зрения, проблема русского языка не является внутренним делом Украины, поскольку это — проблема прав человека. Две крупнейшие общины — русскоязычная и украиноязычная — должны обладать равными правами. Исходя из этого, мы будем вести диалог с нашими украинскими коллегами о содействии тому, чтобы русский язык не стеснялся в своём развитии здесь. Кроме того, я уже сказал, что для прорыва нам нужно не возвращаться к прошлому, а формировать новое общественное образовательное и научное пространство для того,

чтобы люди могли закончить школу, предположим, в России, потом переехать и закончить университет в Украине, затем защитить диссертацию опять в России, получив при этом соответствующие документы.

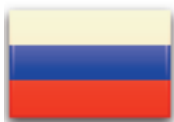
Третье направление — политическое. Это, прежде всего, создание прочных институтов, через которые развивалось бы сотрудничество. Это может быть формирование некоторых региональных объединений, формирование прочной системы городов — партнеров, формирование совместных университетских образований. Сейчас очень эффективно формируется эта сеть в рамках приграничного сотрудничества, например, Белгород-Харьков — это такая большая коалиция. Мы должны всячески поддерживать формирование таких политических институтов.

Ну, и последнее, не могу не сказать, что нам нужно постоянно сотрудничать в международных организациях. Я являюсь членом парламентской ассамблеи Совета Европы, такое сотрудничество у нас налаживается. Российская делегация на последних дискуссиях по Украине «билась» за украинские интересы, практически, как за свои. У нас есть возможность развивать аналогичное сотрудничество и в ООН. Мы будем рады, если Украина присоединится к формированию новой структуры безопасности, среди принципов которой, конечно, является принцип неделимости европейской безопасности. Мне кажется, Украина тоже заинтересована в реализации этого принципа.

В.П.Казарин:

Один исторический момент, имеющий отношение к

нашей теме. Я хочу вернуться к Ливадийскому дворцу, а именно к тому, почему тот исторический стол не сохранился? И ответ на этот вопрос такой, который меня всё время унижает. Дело в том, что экспозиция в Ливадийском дворце, в этом Белом зале создана совсем не благодаря нам, советским людям. Мне рассказывали партийные работники Крымского обкома, которые курировали тогда этот вопрос: тогда американская сторона, которая готовила визит Никсона в Крым, в перечне объектов, которые они хотели бы посетить, включила Ливадийский дворец. Напомню всем, что в то время в Ливадийском дворце был санаторий для рабочих и крестьян, в этом белом зале была столовая. Наша сторона спрашивает, с какой целью Никсон хочет посетить Ливадию? Он хочет посмотреть место, где побывал его предшественник — Рузвельт. И тогда у нас началась дикая гонка — начали белить зал, искать этот стол, стола нет, тогда в Сочи заказали его двойник. Что меня в этом смущает? Надо было приехать президенту США для того, чтобы мы вспомнили, что в 1945 году здесь в этом зале три лидера антигитлеровской коалиции решали вопросы по послевоенному существованию мира. Мало

Крымское Соглашение Трех Великих Держав по вопросам Дальнего Востока

Как уже сообщалось, во время Крымской Конференции Глав Трех Великих держав — И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль от имени Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и г. Чарльз от имени Великобритании 11 февраля 1945 года было подписано Соглашение относительно участия Советского Союза в войне против Японии. Это Соглашение не было опубликовано в свое время по политическим причинам.

СОГЛАШЕНИЕ

Руководители Трех Великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз выступит в войну против Японии на стороне Соединенных Штатов Америки.

1. Сохранения статуса quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);
2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных японскими захватчиками Японии в 1904 г., а именно:
 - а) возвращении Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;
 - б) интернационализации городского порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановлении аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;
 - в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Восточно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход из Дайрена, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов

В результате состоявшегося в последнее время обмена мнениями между Правительствами Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании было установлено, что упомянутое Соглашение будет опубликовано 11 февраля в 5 часов дня (по московскому времени) одновременно в Москве, Вашингтоне и Лондоне.

Нижее следует текст Соглашения:

Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай соглашается в Маньчжурии оказать содействие.

3. Передача Советскому Союзу Курильских островов. Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и американских интересов в железных дорогах потребует согласия Генерал-губернатора Чан Кай-ши. По совету Магшиана И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было достигнуто такое согласие.

Главы Правительств Трех Великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз обязуется гарантировать независимость и Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи силами вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И. СТАЛИН
ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ
УИНСТОН Черчилль

1945 года, 11 февраля.

Украину, а украинца в Россию. Не признают дипломы о высшем образовании, дипломы кандидатов и докторов наук. Я председатель докторского совета по русской и зарубежной литературе, и вот недавно мы настрифицировали докторскую диссертацию моей ученицы. Но самое интересное, что наши документы в Турции признаются: ты приедешь туда — у тебя примут и диплом о высшем образовании, и в вуз тебя на работу возьмут, в университетах Турции работают и русские, и украинские преподаватели по своим дипломам, а мы друг у друга их не признаём.

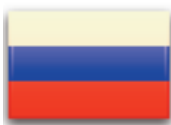
Этому процессу лет четырнадцать. Я четыре года работал вице-губернатором в Севастополе, а до этого придумал идею филиала МГУК в Севастополе. И вот она реализовалась. Так вот филиал МГУК сегодня не в лучшем состоянии как вуз, а мы предлагали рассмотреть вопрос о создании на его базе мощного межгосударственного российско-украинского университета. Тогда дипломы признавались бы в двух странах, и это был бы первый шаг к восстановлению общего образовательного пространства. Лучшие преподаватели двух стран там работали бы и учили, и студенты двух стран обучались бы. В итоге, вся четы-

того, здесь было принято решение для создания ООН. Ливадия — это колыбель этой уважаемой организации.

Это какая-то характерная для нас, не покидающая нас, черта равнодушия к своей собственной истории, она во многом предопределяет ряд сложностей, с которыми мы время от времени снова сталкиваемся, изобретая собственный велосипед. Кстати, последняя деталь — экспозиция так и не была открыта тогда. Об этом мне рассказывал уже японский журналист из «Йо Миури», которого я сопровождал лет десять назад. Он говорил, что приезжал сюда вместе с другими иностранными журналистами и ждал, когда откроется экспозиция. Но не попали на её открытие, потому что Никсон с Брежневым где-то задержались. Представители СМИ ещё два дня ждали, что их пустят посмотреть экспозицию. Но их не пустили, потому что ожидали, что Никсон с Брежневым первыми захотят

посмотреть экспозицию. Поэтому не пустили никого. Экспозиция всё-таки была открыта через три дня, но основное большинство иностранных журналистов уже покинуло Крым. Думаю, что наше прошлое нам нужно более тщательно изучать, тогда мы будем внимательнее и к нашей современности.

Сергей Александрович заметил, что есть целый ряд вопросов, в сфере которых нам надо изменять существующее положение и наработки новые позитивные шаги. Он упомянул образование. Боюсь, что сегодня в этом вопросе недостаточно только политической воли. Мы так далеко зашли в разрыве наших систем образования и законодательства, что потребуются очень большая организационная работа. Говорю это как вузовский работник. Сегодня и в Украине, и в России взаимно не признают аттестаты о школьном образовании, их нужно настрифицировать при переезде россиянина в

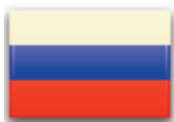

рёхлетняя переписка закончилась ничем. Оказалось, законодательство России чему-то препятствует, и украинское законодательство препятствует, и т.д. Мы слишком долго шли к этому, систематически разрушая то, что было нами наработано. Мы сегодня говорим о болонской системе образования. Практически, болонская система в Советском Союзе существовала. Из института Комсомольска-на-Амуре приезжаешь в Вильнюс, и твоя зачётная книжка показывает, что и в каких объёмах ты учил, и т.д. И тебе её или засчитывают, или ты что-то пересдаёшь, как и предполагает болонская система. Но европейские страны свою болонскую систему реализовали. А мы свою систему угробили.

Коснусь ещё одного блока вопросов. Не думаю, что так легко будет согласовать наши позиции в сфере экономики и промышленно-аграрного блока. Во-первых, отношения внутри России и Украины далеки от совершенства. Время от времени мы читаем о серьёзной политике, которая вспыхивает в среде олигархов. Последний пример с Лугантепловозом, когда Украина не поддерживала российскую инициативу о покупке и иначе решила этот вопрос. Можно привести ещё ряд примеров. Хочу сказать, что у них есть и международные интересы, поэтому думать, что так легко можно достичь абсолютного взаимопонимания, если мы его не можем достичь внутри стран, это слишком оптимистично. Что касается авиа-

строения, то с нашими АН-нами - это даже уже скандалом каким-то является. То мы их делаем вместе с Россией, то мы их не делаем. Сегодня Украина настойчиво ищет рынок сбыта - это и Азия, и Африка. У Ан-нов есть преимущество - они садятся на грунтовые аэродромы. Поэтому политическая воля, о которой вы говорите, должна быть однозначно сформулирована и на какой-то более длительный период. В противном случае она нам не всегда помогает. И последняя реплика. Иногда мы свои собственные решения не всегда адекватно воспринимаем. Например, Харьковские соглашения. В Севастополе по этому поводу была большая радость, потом 600 офицеров сократили на Черноморском

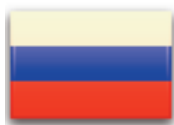
флоте. Потом Сердюков сказал, что мы будем дальше сокращать Черноморский флот. Это вызвало большое разочарование в городе. Сегодня Черноморский флот - самый большой должник в пенсионный фонд города, где-то около 18 миллионов гривен. Он - самый большой должник по зарплатам. И вот только что закончилась годовка конструкторского бюро ЧФ с требованиями выплатить зарплату за полтора года. Сейчас два других предприятия ЧФ стоят на пороге забастовки, потому что им тоже не платят деньги. Я понимаю все экономические проблемы России. Но неужели непонятно, что в этих случаях это начинает приобретать политический смысл. И, наконец, о создании южного оперативного направления в рамках реформы российской армии и перевода туда в подчинение Черноморского флота Каспийской фло-

тилии, всего азиатского региона, кавказского региона. В Севастополе это не вызвало положительного отношения, и сегодня нынешний наш премьер Саратов в одном из интервью сказал, что Харьковские соглашения в Севастополе не получили ожидаемого результата. Хочу сказать, что это тоже надо учитывать, потому что, делая что-то положительное, мы порой перечёркиваем свои же решения.

А.Г. Оганесян:

Спасибо, Владимир Павлович. Вы, тем не менее, затронули очень острые вопросы: и образования, и севастопольская ситуация по долгам, которая вызывает недоумение не только в Украине, но и в России. Когда мы говорим о том, что в России нет единства среди олигархов, это затрудняет экономические контакты. Я думаю, что здесь есть доля иллюзии. За

последнее время мы наблюдали, как наши олигархии иногда демонстрируют удивительное единство перед лицом политических задач. Вы в этом плане правы, что нужна большая политическая воля. Но, как правильно поставил вопрос Сергей Александрович, если взять курс на модернизацию, то надо модернизировать: в этом заинтересованы и Россия, и Украина. Конечно, две страны могут, сотрудничая, помочь друг другу и поддерживать этот процесс совместными усилиями. И я думаю, что на этом пути, если он будет так твёрдо заявлен, - кстати, в контексте российско-украинских отношений его и нужно заявлять, - он пока не звучит так определённо со стороны политической элиты. Если вопрос поставить так, что России нужна Украина, Украине - Россия для того, чтобы не только европейские страны,

но и те, которые опережают нас по развитию производства и технологий, это поняли, то думаю, та разногласия среди олигархов может быть легко преодолена. Потому что это - уже угроза подрыва модернизации. Кто ж будет идти против политического курса?!

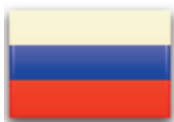

Олег Александрович Горбунов – политолог, сотрудник Центра моделирования стратегического развития:

Я бы хотел несколько конкретных вещей сказать об образовании, так как я близок этой теме, потому что только в этом году окончил институт. Активно общаюсь со многими украинскими студентами из Львова, Киева, Луганска, Донецка и из Таврического университета тоже. Когда мы говорим о проблемах университета, то речь идёт о проблемах верхов, то есть руководства университетов. Во-первых, очень остро стоит такая проблема: студенты, например, Южного Федерального университета в Ростове-на-Дону, Белгорода, Брянска, пригра-

дных городов России не знают просто о возможности обучения в Украине. Во-вторых, студенты в Украине, которые учатся в Слобожанщине, на востоке и на западе Украины, и которые, в принципе, не могут себе позволить обучение в западных университетах, также могли бы учиться в российских университетах. Но есть большая проблема - никто из них не знает о таких возможностях. Вот Вы говорите о непризнании дипломов. Многие студенты даже этого не знают. Они реально думают, что смогут поучиться на Украине или в России, и тут же столкнутся с пугающей реальностью, которая их очень быстро отрезвит. Так вот, было бы разумно на уровне университетов подумать и россиянам, и украинцам о введении некоей должности штатного пиарщика, который бы представлял вуз, - поскольку мы в капиталистическом обществе живём, - удачно «продавал» этот вуз: российский на Украине, украинский в России. Когда разговариваешь со студентами, оказывается то, что ЮФУ Ростова имеет гигантские контакты среди донецкой и луганской элиты, но ребята, учащиеся в ЮФУ, не знают, что можно получить очень качественное образование в Донец-

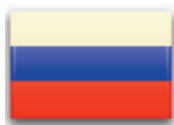
ком национальном университете или Луганском национальном имени Даля. Мы очень много говорим о Русском мире, об образовательных контактах, а на самом деле вот они - эти реальные образовательные контакты. Это реальная возможность погружения Украины в русский информационный контент. Если, например, луганчане приезжают в Ростов, или русские ростовчане погружаются в украинский информационный контент, если они приезжают учиться в Донецк и Луганск, то и здесь мы сталкиваемся не только с транспортными проблемами, о которых говорил Сергей Александрович, но и с просто элементарным незнанием. Обыкновенному студенту многое всё равно, многие реальные проблемы ему незаметны, потому что никто о них не говорит. Таков уж постсоветский студент, которому нужно показывать, что ему нужно, какие у него есть возможности. Я с этим часто сталкиваюсь, потому что руковожу молодёжным политическим клубом «Вектор» в Москве и знаю, что даже талантливей студент очень ленив. Даже есть негласная прямая зависимость: чем талантливее студент, тем он ленивее. В этом отношении меня

удивляет следующий факт. Когда часто мы говорим о людях, которые формируют список приглашённых, например, на Селигер, где есть возможность общения студентов через бизнес-площадку, на другие интересные молодежные форумы, почему-то не задумываемся, что не приглашают украинцев. Хотя есть гигантское количество во Львове, Киеве, Одессе молодых ребят, готовых поехать, рассказать, заинтересовать, сотрудничать с россиянами. Существуют очень хорошие студенческие контакты между Львовом и Питером - они же города-побратимы. Это вопрос к представителям власти, к тем, кто непосредственно участвует в Селигере, общается с его организаторами, формирует списки приглашённых. Это возможность пригласить сливки украинского студенческого общества. Многие из них - талантливые ребята. Я знаю, что многие очень упорно ищут выход на российские площадки, но не находят, потому что эти каналы забиты людьми, которые давно стали как бы профессиональными украиноведами, либо профессиональными россияноведами, и молодых

просто не пускают туда, потому что считают, что молодой-зелёный, ничего интересного не скажет, а давайте, пригласим заслуженного политолога, который зачастую повторит то, что он говорил на многих других площадках два-три года назад, и ничего не изменится. Молодые, поколения второй половины 80-х и 90-х годов, имеют самое модернизационное, инновационное мышление, новое капиталистическое мышление России, которое будет основным мышлением России через 20 лет. Хотим мы этого или не хотим - поколение в любом случае сменится. Так вот лучше работать с теми людьми, которые, так или иначе, попадут в элиту - в украинскую, в российскую, региональную ли, федеральную. Поэтому стоит обратить внимание на второй эшелон студенческих объединений. Мы, в частности, работаем. У нас в Чернигове есть Полесский центр региональных исследований - очень интересная, авторитетная организация. Там ребята имеют тот потенциал, который часто, к сожалению, не реализуется. Опять же о транспортных проблемах. Вы, Сергей

Александрович, приводили пример с Францией и Германией, зачем так далеко ходить? Россия-Беларусь: спокойно садишься на поезд и спокойно пересекаешь границу без таможенников и даже без проверки паспортов. Вот та модель, которая нам нужна. Я знаю многих ребят из Минска и других белорусских городов, которые смогли, благодаря такой простой модели, приехать и учиться в Москве, работать в России и становиться её научным потенциалом. Не понятно, почему существует столько площадок - комитетов, комиссий и групп, - которые на государственном уровне не ставят остро и принципиально вопрос: давайте, действительно, не будем упрекать украинцев в том, что они чего-то не понимают, не защищают русский язык, а давайте, пойдём им навстречу. Сделаем первый шаг - упростим режим пересечения границы. Я думаю, украинцы в этом отношении не будут против, потому что мы вместе заявляем о том, что движемся в Европейский союз. И пару слов по поводу бизнеса. Мы много говорим о гуманитарном со-

трудничестве. Тут говорились об олигархах. У наших стран капиталистические экономики с крупным капиталом и так далее, и мы так много говорим о том, - и президент Медведев об этом говорил, - что нужно развивать молодой бизнес. Молодёжь хочет заниматься бизнесом, потому что - это деньги, потому что - это возможности. Мы знаем, сколько стоит квартала в Москве, и что она не под силу молодым людям. А ресурс молодого бизнеса очень востребован в стране. Думаю, этот вопрос также ребром стоит и для украинских студентов, и молодёжи в целом. Вот у нас точка для пересечения - неконфликтная, а для диалога россиян и украинцев. Надо обсуждать, как нам создать бизнес-инкубаторы, бизнес-площадки: упростить регистрацию, создать биз-

нес-структуры для молодёжи, выдать беспроцентные кредиты и так далее. Это реальный способ создания единого бизнес-пространства и попытка выработать опыт по созданию бизнес-пространства между Украиной и Россией. Буду благодарен, если политологов заинтересовало что-то из моих тезисов. Попрошу прокомментировать, достижимо ли это или нет и почему.

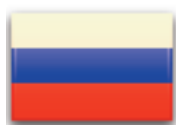
Денис Игоревич Кирюхин – политолог, Аналитический центр политических исследований и конфликтологии:

Прежде всего, хочу поблагодарить за приглашение принять участие в работе нашего сегодняшнего собрания и подчеркнуть, что для меня это своеобразный символический жест - связь моей семьи с Ялтой, поскольку мой дед был

одним из тех, кто присутствовал на Ялтинской конференции в январе 1945 года. Мой дед, Вячеслав Игоревич Кирюхин, рассказывал мне, как видел всех лидеров, с некоторыми общался. Он был офицером внутренних войск и был инициатором устройства системы безопасности здесь. Так что продолжаем семейную линию.

Наша конференция проходит в ситуации, когда в Украине поменялась власть. Пришёл новый президент, и, соответственно, сегодня мы видим кардинальное изменение тональности характера российско-украинских отношений. Прежде всего, хотелось бы сказать несколько слов о характере данных изменений.

Когда Виктор Янукович победил на выборах, изначально была такая настроенность СМИ -

возвращение тех тёплых, дружественных отношений, которые были во времена Леонида Кучмы. Сейчас мы видим, что подобные прогнозы не

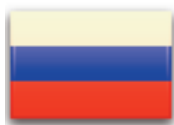

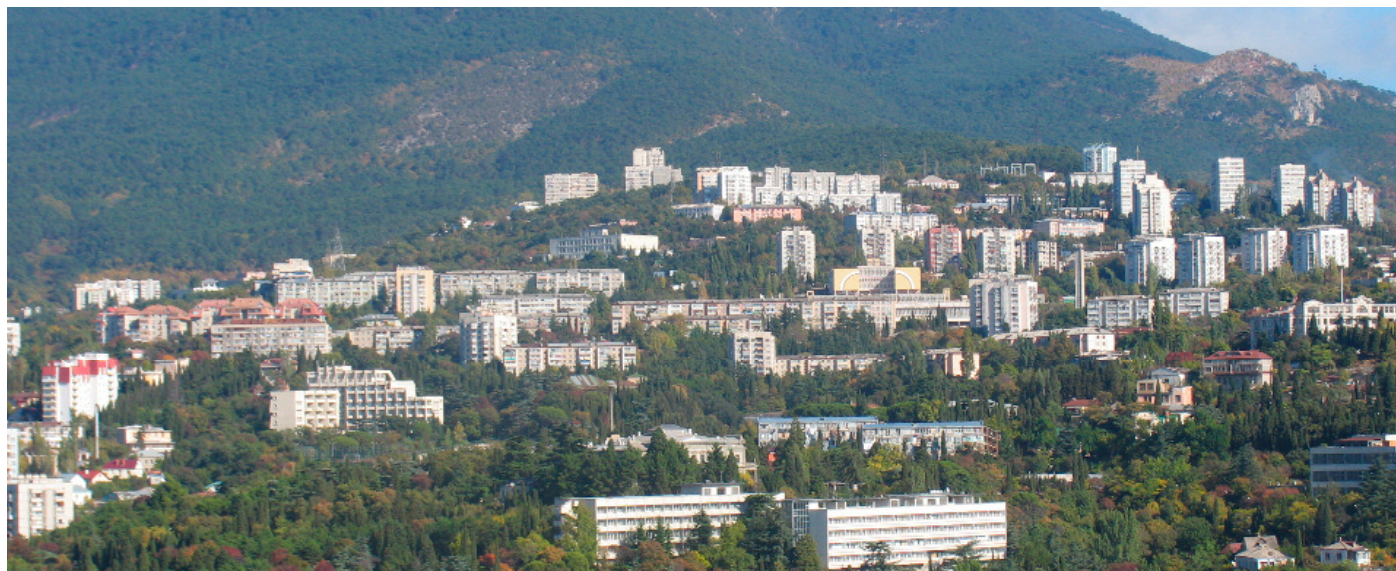
оправдались. Речь идёт о формировании принципиально новой конфигурации отношений между нашими странами. Новое - по сравнению как с президентством Виктора Ющенко, так и с предыдущим периодом президентства Леонида Кучмы. Ушла некоторая напряжённость отношений, с одной стороны, которую вносила политика Ющенко, с другой стороны - нет некоторой задушевности, которую мы ощущали на встречах президентов Ельцина и Кучмы. Сейчас

новая эпоха, и она диктует свои правила. И, действительно, в основе новой конфигурации отношений она формируется благодаря ориентации на главные идеи, по моему мнению, - это идеи прагматизма, идеи взаимной выгоды. Эту позицию озвучивал и Дмитрий Анатольевич Медведев, Виктор Фёдорович Янукович. И в контексте идеи прагматизма отношений я бы хотел посмотреть на всю систему отношений между нашими странами.

Прежде всего, я бы хотел сказать, что в этом отношении - я, может быть, скажу провокационную мысль - что Виктор Фёдорович Янукович является более дискомфортным переговорщиком для России, чем Виктор Ющенко. По крайней мере, в последний год президентства Ющенко отношения наших стран были фактически сведены к нулю, однако, за время президентства Ющенко мы заметили усиление

позиции России и на украинском пространстве, и на пространстве СНГ. Я имею в виду пересмотр в не очень выгодном, мягко говоря, для Украины газовом соглашении, и с другой стороны, - ослабление позиций Украины в Центральной Азии. Это для нашей страны, я считаю - болезненный удар и на международной арене, и на пространстве СНГ. Не зря Виктор Янукович на встрече с Дмитрием Медведевым в мае 2010 года поднял вопрос о возвращении интересов Украины в Центральной Азии. Но г-н Медведев плавно обошёл эту тему, тем самым демонстрируя жёсткость позиции. Ну, прагматизм, - значит, прагматизм. Таким образом, Виктор Ющенко, представлявший интересы такого во многом «романтического» национализма, по моему мнению, сдал на самом деле очень многие экономические позиции Украины на постсоветском простран-

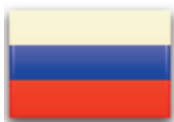
стве. А нынешняя государственная администрация — носитель принципиально иной идеологии — идеологии экономического национализма. Я бы её сформулировал именно так: идеология интересов крупного национального украинского промышленного капитала, украинских производителей, которые, естественно, заинтересованы в дешёвых энергоносителях и в рынках сбыта для своей продукции.

И соответственным образом и конфигурируется сегодняшняя внешняя политика Украины. И соответственным образом во многом определяется система отношений Украины и России. Вот если пройтись по различным интеграционным проектам на постсоветском пространстве, то мы заметим, что с точки зре-

ния экономического национального интереса Украины, выгодна разновальная интеграция в эти различные проекты. С одной стороны, если по ним пройтись, то это, например, — Таможенный союз. Очевидно, что Украина сегодня не готова к присоединению к Таможенному союзу. И это уже заявлялось представителями украинского МИДа, и во многом эта неготовность к Таможенному союзу тесно связана с другим проектом — Единое экономическое пространство.

Украина связана своим членством в ВТО — тут можно спорить. Но факт остаётся фактом: мы вошли в ВТО в не очень выгодной для украинской экономики ситуации, когда импортные пошлины на поставки промышленных товаров в Украину существенно ниже, чем те, ко-

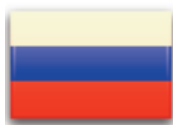
торые даже сейчас оговаривает Россия при обсуждении своего вступления в ВТО. Я тут согласен с мнением экспертов о том, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство будут ориентироваться на тарифный режим, существующий в России, а он в два раза, как минимум, выше, чем в Украине. Это согласование для Украины — одно из мощных препятствий для более тесного сотрудничества в этих проектах. Вторая тенденция — это стремление Украины к подписанию соглашения о зоне свободной торговли с Европейским союзом. Эти переговоры идут очень тяжело, — мы это знаем, — потому что Украина очень жёстко отстаивает свои экономические интересы. Переговоры затягиваются, и мы пока не видим суще-

ственного прогресса в этом направлении. Кстати, это - одна из причин того, что, например, происходило после триумфального шествия Харьковских договорённостей. После визита Дмитрия Медведева в мае в Киев никаких существенных договорённостей с Россией заключено не было. Мы слышали целый ряд заявлений о сотрудничестве в сфере судостроения, авиастроения, атомной энергетики. Однако никаких договоров на сегодняшний день пока никто не подписывал, и нет уверенности в том, что они будут в ближайшее время подписаны. Это говорит о том, что Украина достаточно жёстко отстаивает свои экономические интересы в этой сфере. И пока сотрудничество в этой

сфере пробуксовывает, но такова логика прагматичных отношений. И это, как мы видим, неизбежный результат. Следующее - ОДКБ. Новая поправка закона об основах внутренней и внешней политики, которая была принята при президенте Викторе Януковиче, определяет Украину как внеблоковое государство. Украина заинтересована в том, чтобы на пространстве СНГ и Восточной Европы были сформированы чёткие правила политики безопасности. Сотрудничество с НАТО, с одной стороны, а с ОДКБ, с другой стороны, помогает Украине сформировать эти правила, и, как минимум, принимать участие в формировании этих правил. Однако ни о какой интеграции в

ОДКБ при формировании этих правил речи не может быть, максимальной формой может быть отдельный статус и возможное сотрудничество по отдельным программам. Это тоже ограничено внутренним законодательством, внутренними позициями. ШОС, по моему мнению, представляется наиболее перспективной сферой нашего сотрудничества. Это - уже не двустороннее сотрудничество, а более широкое, и перспектива рассматривается по нескольким направлениям. Одно из них, - я, может быть, опять скажу провокационную мысль, - это то, что из всех интеграционных проектов на постсоветском пространстве этот проект, где наименьшее влияние России. Потому что во всех

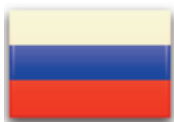

остальных - мы знаем - Россия оказывает доминирующее влияние, а в ШОС – наименьшее влияние по сравнению с мощным игроком - Китаем, который, пожалуй, является одним из локомотивов этого объединения. Сотрудничество в ШОС для Украины на самом деле открывает очень широкие перспективы. Это сотрудничество может быть оформлено в формате «партнёры по диалогу» (такой статус имеет сегодня Белоруссия с последующей перспективой стать наблюдателем). И тут мы имеем открытость к энергетическим ресурсам в Центральной Азии, что Украине сегодня крайне важно, и доступ к сотрудничеству для развития экономического потенциала Китая. Недавно Виктор Янукович

посещал Пекин, и мы заметили колоссальную заинтересованность Китая к двустороннему сотрудничеству с Украиной и в более широком формате. И сотрудничество в рамках так называемого Великого шёлкового пути, которое Украине дает огромные возможности в сохранении и развитии её транзитного потенциала. Вообще, во многом экономика Украины будет зависеть от того, насколько будет реализован её транзитный потенциал. И в этом отношении у нас вызывает крайнюю обеспокоенность неуступчивость России в позициях по строительству «Южного потока». С одной стороны, Россия хочет обезопасить себя от влияния возможной политической конъюнктуры в Украине в сферу тор-

говли на энергоносители. С другой стороны, строительство «Южного потока» оказывает крайне негативное влияние на украинскую экономику, поскольку мы в потенциале начинаем терять свой транзитный потенциал. В этом отношении было бы, мне кажется, рациональным, чтобы Россия гарантировала Украине, что вступление в действие «Южного потока» не будет компенсировано расширением каких-то других транзитных путей на украинской территории. Следующим мощным фактором противоречий между нашими странами сегодня является противоречие между «Газпромом» и «Нафтогазом». Мы чётко видим позицию и желание «Газпрома», заявленные на самом высоком уровне, о

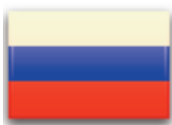

фактическом поглощении «Газпромом» «Нафтогаза», и неслучайно сегодня президент Украины активно работает во внешнеполитической сфере, в частности, нацелен на то, чтобы создать совместное предприятие между странами ЕС, Украины и России на паритетных началах, чтобы сохранить автономию украинского влияния. Наконец, остаётся открытым вопрос о делимитации Керченского пролива. Но тут, мне кажется, наметился какой-то значительный

прогресс. По крайней мере, министр иностранных дел Константин Грищенко недавно предложил формулу, согласно которой речь пойдёт о совместном пользовании пролива. Во всяком случае, это соответствует Гаагским рекомендациям, согласно которым подобные договорённости и решение подобных делимитационных проблем не должны приводить к ограничению возможностей одной из сторон, то есть совместное пользование Керченского пролива. И в русле договорённостей

Украины и России, надеюсь, что этот вопрос будет решён уже в ближайшее время. Подводя черту между этими противоречиями, скажу о ещё об одном факторе, который значительно влияет на характер российско-украинских отношений. Это то, что сближение России и Украины отторгается частью политической и интеллектуальной элиты Украины. Это, на самом деле, очень мощный фактор, который сильно влияет на наши отношения на очень высоком уровне, и интеграционные проекты встречаются в Украине достаточно мощное сопротивление. Опять-таки повторяю, что логика прагматизма во многом обуславливает характер того, что наши отношения сегодня развиваются не так гладко, как возможно, как нам бы хотелось: это и конкуренция партнёров, это и взаимодействие партнёров-конкурентов. Поэтому во многих отношениях какие-то перспективные проекты не будут реализованы по экономическим соображениям.

20

Алексей Константинович Пушков – автор и ведущий программы «Постскриптум» (ТВЦ):

Вы не назвали такую болевую, к примеру, проблему, как НАТО. Дело в том, что наши западные партнёры уверяют Россию в том, что идея приёма Украины в НАТО похоронена. Я об этом услышал только что в Италии, где выступал в Институте международных отношений в Риме, и там считают, что подобной проблемы вообще не существует. А с другой стороны, в мае я встречался с Расмуссеном, и он сказал, что Украина и Грузия будут вступать в НАТО – в этом нет никаких сомнений. Я его спросил, не стоит ли сначала узнать мнение Украины. По мнению Расмуссена, администрация Обамы придерживается мнения, что это вопрос времени. И Хиллари Клинтон, когда приезжала к вам в гости, подтвердила Януковичу, что США будут поддерживать стремление Украины к интеграции с Евроатлантическим сообществом, что Америка будет

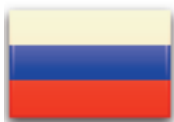
держат курс на вступление Украины в НАТО, но, может быть, чуть попозже. А вот как можно определить линию правительства Януковича в этом вопросе? Это первое. Второй вопрос: как обстоит дело с общественными настроениями в этой сфере? Потому что «романтик» Ющенко всё время «романтически» сдвигал цифры. И каким-то удивительным образом насчитал, что 60% населения Украины уже «за» вступление в НАТО. Это мне показалось странным. И третий вопрос: вы говорите о том, что Украину беспокоит «Южный поток», считаю, что это обоснованное беспокойство. Но в России всегда очень крайне негативно воспринимаются всякие заходы натовцев в Феодосию, совместные военно-морские манёвры. Можно спасать моряков на море или воевать с пиратами в Аденском заливе вместе с НАТО – очень хорошее сотрудничество и никто не «против». Будет ли Янукович все эти демонстративные формы сотрудничества с НАТО поддерживать?

Д.И.Кирюхин:

Начну по порядку. Закон о внутренней и внешней политике определил Украину как внеблоковое государство, не нейтральное, а именно внеблоковое. Разница между нейтральным и внеблоковым

подразумевает, что Украина может полноценно сотрудничать с различными военными-политическими блоками, в том числе с ОДКБ и НАТО. К сожалению, зачастую, вопрос о вступлении Украины в НАТО решается не в Украине и не народом Украины, а в Брюсселе, в Москве, в Вашингтоне – в рамках вот этой тройки – или где-нибудь в Париже, в Лондоне, но никак не в Украине. Политика Януковича в этом смысле отвечает духу прагматизма. Он заключается в том, что, зафиксировав свой внеблоковый статус, мы продолжаем реализацию сотрудничества по целому направлению совместных программ Украина-НАТО, так же как сотрудничает сегодня с НАТО Россия, проводя даже совместные учения. Хочу подчеркнуть, что в этом году летом на совместных украино-натовских учениях впервые за многие годы была даже изменена легенда. Она была связана с антитеррористическими действиями, а не с борьбой против сепаратизма, что говорит об изменении политического курса.

Сотрудничество с НАТО по ряду параметров объективно необходимо, оно связано со стабильностью в Черноморском регионе. Турция – один из влиятель-

нейших наших игроков в Черноморском регионе, чей флот превышает существенно и российский, и украинский флот. Для Украины чрезвычайно важно развивать сотрудничество в этом направлении, даже в плане развития анти-террористической деятельности, и в плане разработки программ стабилизации и обеспечения безопасности в регионе.

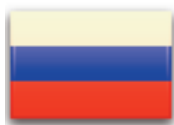
Кроме того, я подчеркнул в своём выступлении, что для Украины было бы крайне желательно в качестве противовеса сотрудничества с НАТО развивать какие-то программы с ОДКБ. Это бы дало возможность развивать украинские вооружённые силы и снять некоторую напряженность,

которая существует в России в связи с сотрудничеством с НАТО. В Европе очевидно, что в связи с принятием закона об основах внутренней и внешней политики в Украине, вздохнули спокойно, что никто не будет проситься в ЕС, а с другой стороны – противодействовать.

В ближайшей перспективе мы видим развитие программ по модернизации вооружённых сил Украины в рамках программ сотрудничества с НАТО, что и происходит. Украинские Вооружённые силы нуждаются в такой модернизации. Но для успокоения России было бы желательно углубление развития сотрудничества и с ОДКБ. Таким образом, был бы со-

блюдён паритет.

Что же касается общественного настроения в связи с НАТО... По поводу НАТО у нас происходит забавная вещь. До пропаганды Ющенко о вступлении в НАТО процент голосующих «за» был гораздо выше, чем в период предпринятой пропаганды. Только в Донецкой области в середине 90-х годов было более 20% сторонников вступления в НАТО. После того как Ющенко развернул свою пропаганду, количество сторонников уменьшилось и держится на этом уровне до сих пор. На прошлой неделе я видел цифры – в Украине 18% -20% являются сторонниками присоединения к НАТО. Во второй половине 90-х была

самая большая поддержка идеи интеграции в НАТО. Власть не может не учитывать эту позицию.

Александр Сергеевич Ципко, специалист в области социальной философии, политолог, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН, д.ф. н.:

Есть политическая воля в руководстве страны, которая звучит так, что положение о внеблоковом государстве включить в статью Конституции. Если это произойдёт, соответственно, ни о каком вступлении в какие-либо политические блоки речи быть не может в принципе.

А.К.Пушков:

Если произойдёт.

А.С. Ципко:

Я думаю, что произойдёт, потому что есть консолидированное большинство Верховного Совета, есть поддержка населения. Я думаю, что этот вопрос бли-

жайшей политической перспективы. Что касается отношений с НАТО, то я думаю, что здесь надо проводить симметричные отношения. Тут я согласен с Денисом Кирюхиным, что нужна программа взаимодействия с ОДКБ, но, с другой стороны, ОДКБ не проявляет заметной инициативы по сотрудничеству с Украиной. ОДКБ только сейчас разворачивает свою деятельность на территории Украины. Поэтому политическое руководство Украины настроено на симметричное отношение. А по поводу захода кораблей, они заходили, заходят и будут заходить, также как и российские корабли, если они, конечно, не носят демонстрационных целей. Такой политики, как было при Ющенко, больше, конечно, не будет.

А.К. Пушков:

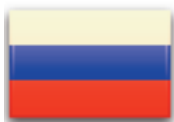
Вы упомянули Турцию. У нее своеобразная позиция: Турция как раз против присутствия НАТО в Черноморском регионе. Это у них официальная позиция безопасности Черноморского региона должна обеспечиваться теми государствами, которые имеют выход к Черному морю. НАТО же ставит вопрос о выходе в Черное море, чтобы там обосноваться. Турция, бу-

дучи страной НАТО, в этом не заинтересована. Иначе она утратит своё ключевое положение, и вопросы тогда будут решаться в Вашингтоне, в Брюсселе, а не в Анкаре.

Владимир Андреевич Орлов, Директор Центра политических исследований (ПИР-центр):

Оба коллеги, Денис и Виталий, говорили: «... с ОДКБ надо идти вровень, ОДКБ не проявляет интерес. У нас только сейчас открывается их представительство». Но вот, смотрите, есть первый сюжет – это по системе совместной ПВО, где, наверное, наиболее актуально участие Украины; другие сюжеты в таких областях, как сотрудничество в целях предотвращения наркотрафика, иммиграционные проблемы и так далее. А какие конкретные направления могут быть интересны Украине в сотрудничестве с ОДКБ? Как Денис сказал, что максимальным решением мог

бы стать особым статус Украины при ОДКБ.

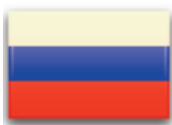

Виталий Александрович Кулик, политолог, директор Центра исследований проблем гражданского общества:

По поводу сотрудничества с ОДКБ. У нас есть вытеснение Украины с рынка вооружений на постсоветском пространстве. Политический российский экспорт вооружений ведёт агрессивную политику в отношении спецэкспорта Украины в странах Центральной Азии. Нас выдавливают с этих рынков. В то же время Украина заинтересована в том, чтобы не было нездоровой

конкуренции, где политическая составляющая до этого времени была значительной, и чтобы мы снова смогли не выдавливать друг друга, а кооперировать свои усилия на продвижение своих услуг для центрально-азиатских стран. Речь идёт не только о катерах для Узбекистана. Там 2-3 десятка наименований продукции ВПК, которую мы поставляем в Центральную Азию. Речь идёт о сближении позиций по противодействию асимметричным угрозам безопасности – это нелегальная миграция, противодействие наркотрафику, организованная преступность, фундаментализм, терроризм, это вопросы создания совместного антитеррористического центра Украина - ОДКБ, это участие Украины не только в качестве наблюдателя, но и как и партнёра ОДКБ, и участника штабных учений (совместная разработка легенды этих учений).

Украина хотела бы получить статус не просто наблюдателя ОДКБ, она хотела бы получить статус как страны-партнёра ОДКБ, который бы предусматривал углублённое сотрудничество. И в этом статусе Украина сама могла решать, что ей интересно и что интересно ОДКБ. ОДКБ – это ведь не только Россия. Нас интересуют: более тесное военно-техническое сотрудничество с Белоруссией, у нас есть много проблем с общей границей, которые надо решать; вопросы ПВО; возможности в рамках ОДКБ по созданию определённых циклов производства вооружений, можно говорить о спецификации продукции. Такие инициативы мы выдвигали в начале 2000-х годов. Скажем, украинское предприятие «Форт» в Виннице имеет опыт производства отличного автомата ФОРТ. Мы знаем, что есть спрос на такое вооружение со стороны стран Централь-

ной Азии. Но это сдерживалось долгое время, благодаря усилиям российской стороны. Если бы Форт стал совместным проектом, это был бы рывок на рынки третьих стран. «Форт» – это полицейский автомат, пистолет-пулемёт.

В рамках ОДКБ есть проблемы социальной защиты военнослужащих: пенсии для военнослужащих, ветераны спецслужб, ветераны МВД, признание надбавки и другие социальные меры. Есть целый комплекс вопросов, где можно было бы сближать позиции Украины и ОДКБ. Но когда, например, мы поднимали этот вопрос сотрудничества с ОДКБ, российская сторона как бы уходила от ответа, не было заинтересованности, не было даже желания обсуж-

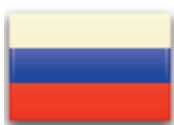
дать подобные вопросы. В то же время, когда мы задаём эти вопросы представителям НАТО, то здесь замечаем открытый интерес, встречные инициативы, предложения и так далее. Естественно, вопрос не стоял по поводу вооружения. Средства на модернизацию нам выделяют. Я говорю о другом: если НАТО хоть проявляет какую-нибудь инициативу и интерес к Украине, то ОДКБ до последнего времени не проявляло, - я об этом говорю. Мы стучались в закрытые двери. Надеюсь, сейчас что-то переменится.

Участие в противоракетной и противовоздушной обороне поднимает вопрос нашего внеблокового статуса: мы не можем проявлять чрезмерную уступчивость одной стороны в ущерб другой. Мы

должны вести симметричную политику. И вызовы нашей безопасности есть и на Западе, и на Востоке. Выход из этой ситуации – повышать собственную обороноспособность, вкладывать деньги в оборону, улучшать качество армии, то есть создавать боеспособную армию, готовую отразить любую агрессию, откуда она бы ни исходила. А так как мы не ожидаем никакой агрессии от наших соседей, то в первую очередь речь идет об асимметричных агрессиях.

А.Г. Оганесян:

Виталий, Вы говорили о встречном движении в сторону ОДКБ. Не могли бы Вы сроки указать – явно, это было не при Януковиче, это было при Ющенко или это было еще до того.

В.А. Кулик:

Когда был подписан Ташкентский пакт, создание ОДКБ происходило в два этапа. На разных этапах Украина проявляла определенный интерес к этому в качестве выработки какой-то схемы сотрудничества. И у Кучмы, и у Ющенко потом, и у Януковича сейчас была четкая позиция – не вхождение в ОДКБ. Но необходима какая-то площадка для сотрудничества с ОДКБ. При Кучме никакого сближения в любом формате с ОДКБ не

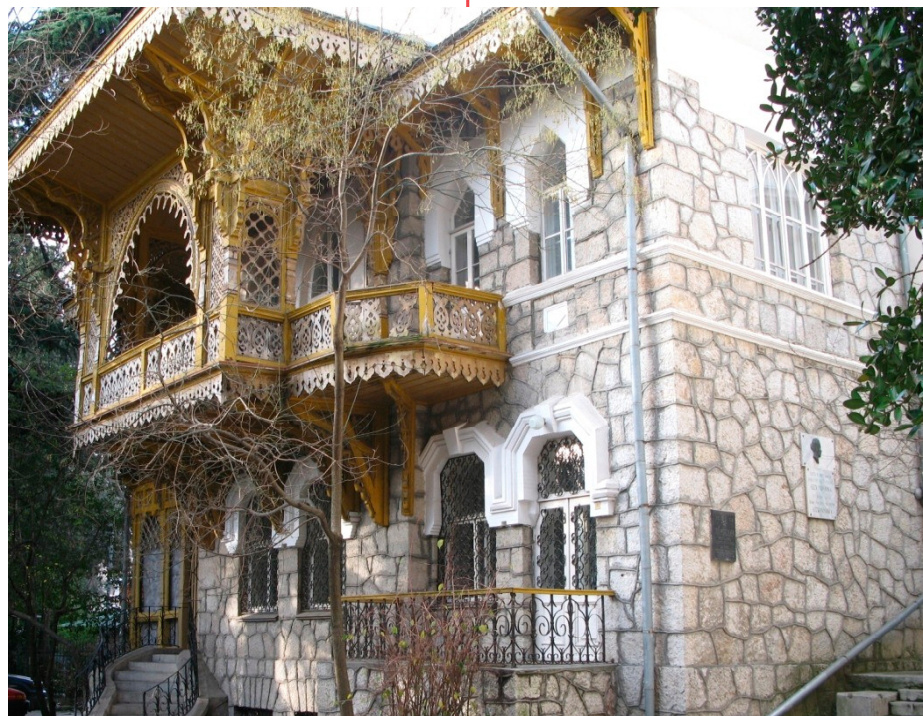
от общественности, но не экспертное сотрудничество на уровне обсуждения площадок – экспертов, которые занимаются аналитическим обеспечением ОДКБ – у нас нет дискуссий в этом направлении. Я думаю, надо закрыть эту нишу. Украина и Молдова, я думаю, были бы первыми, кто попросился в эту программу.

Мы тоже тут убедились в правоте утверждений Медведева, который после известных киргизских событий в этом году заявил о необходи-

сотрудничества в области ВПК, и в области социальной сферы, и в области антитеррористической деятельности, которые очень важны, но спором является сама структура ОДКБ.

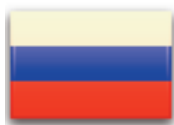
А. С. Ципко:

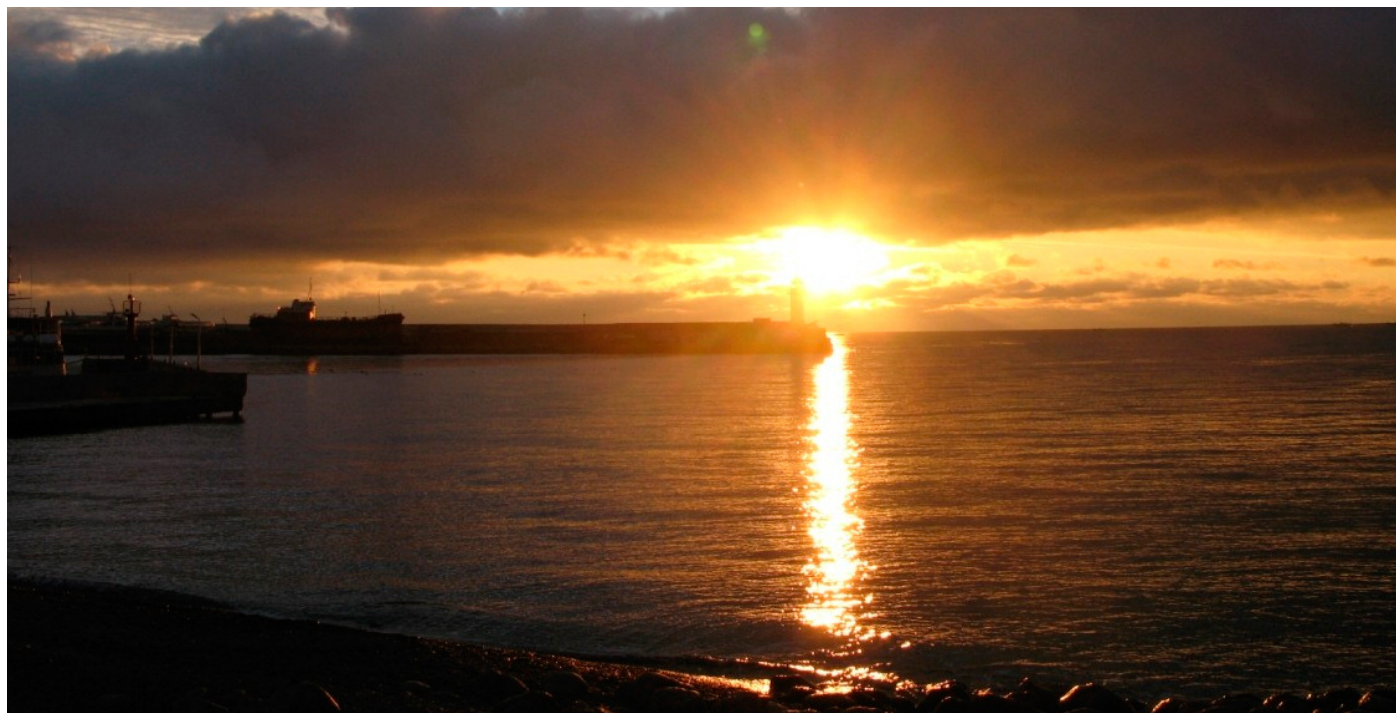
Я хотел бы остановиться на сугубо мировоззренческих и идеологических вопросах взаимоотношений наших стран и сосуществования независимых России и Украины. Чем для меня было полезно выступление Дениса Игоревича? Оно для российской публики показывает, насколько мифологично вообще восприятие российско-украинских отношений в российских СМИ. Как они строятся? Типично русская модель: создается образ сильного врага – Ющенко, на него все проблемы навешиваются. Ющенко – это позиция, согласно которой Украина независима, прежде всего от России. При такой позиции строить национальную идентичность можно только на болевых точках. Из этого следует, что необходимо, чтобы сохранить независимость, как можно больше минимизировать отношения с Россией. Об этом говорил Сергей Александрович Марков. Мне думается, что так строится вся наша пропа-

происходило. Это было странно. Если с ЕврАзЭС было какое-то взаимодействие – Украина является наблюдателем в этой организации – есть совместные программы, то в ситуации с ОДКБ движения вообще не было. Сейчас сближение с ОДКБ исходит

мости реформирования ОДКБ. Практически, развитие отношений Украины и ОДКБ будет во многом зависеть от того, в каком направлении будет реформироваться само ОДКБ. Это очень важно понять. Есть, действительно, целый комплекс программ

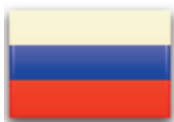
ганда: был враг, он ушел и наступает рассвет новых отношений. Эта позиция ласкает нашу душу, она очень утопична и не реалистична, потому что те три момента, которые упомянул Сергей Александрович, не являются изобретением Ющенко. Как мы знаем, Кравчук точно так рассматривал российско-украинские отношения, и говорил, что для того чтобы быть независимой, мы должны быть независимы от России, и делал акценты на крайне негативных моментах в отношений между нашими странами. Напомню о знаменитой статье «Россия и Украина» (1928 год) Николая Трубецкого, основателя евразийства, в которой он пишет: «Распад СССР неизбежен, новая Украина будет снова независимой, начнется ан-

тирусская политика, начнется насильственная украинизация и будет насильственная провинциализация Украины, потому что вот эта украинизация выталкивает Украину из русского общего поля и приведет к понижению интеллектуального уровня, и будут искать врага». Так что ничего того, чтобы не было предусмотрено самой логикой становления независимой Украины, у Ющенко не было.

Чем мне интересно выступление Дениса Игоревича? Вы сказали, что политическая интеллектуальная элита с неодобрением и неохотой относится к политике сближения Януковича с Россией. Это говорит о том, что эти механизмы — акценты на собственную независимость и выстраивание этих отно-

шений крайне осторожно — заложены в самой логике независимой Украины.

Отношение к системе ПВО. Понятно, как только вы делаете общую систему ПВО, вы не только нарушаете Конституцию, вы теряете существенный момент независимости. Получается, что принципиально ничего отличного не происходит. Если Ющенко выстраивал идеологию независимой Украины на таком «романтическом», эмоциональном уровне, вредным для Украины, то Янукович делает это прагматично с учетом экономических интересов Украины. Здесь я цитирую выступавших. Мне думается, то, что мы прослушали, очень важно для нашего российского самосознания — перелом, конечно, произошел.

Отрицать позитивные сдвиги не стоит – они реальны. Но строить эту иллюзию, о которой говорят СМИ, что произойдет что-то качественно иное, что мы снова будем народами-братьями, будем сотрудничать. Если посмотреть с исторической точки зрения, мы, действительно, остаемся в поле большой неопределенности. Запад на время отступил от идеи включения дальше на Восток, поэтому план Ющенко провалился. Изменится ситуация? Это не значит, что абсолютно предопределено, что какое-то новое правительство Украины, новая Верховная Рада, получив конституционное большинство, не примет новую конституцию. Это говорит о том, - и это показало правительство Януковича, - что шансы на сближение будут зависеть от национально-государственных интересов России в отношении НАТО. К сожалению, правда состоит в том, что также велика возможность изменения этих настроений, тем более остается самое главное – идея интеграции в Евросоюз доминирующая. Вы прекрасно знаете, если сторонников НАТО, действительно, больше 30% никогда не было, то вхождение Украины в Евросоюз поддерживает подавляющая

часть (90 %) населения, особенно молодежь. Такова историческая правда.

Я очень благодарен украинским коллегам. Они мне очень помогли быть реалистичным и преодолеть те мифы, которые характерны для нашего российского медиа и самосознания.

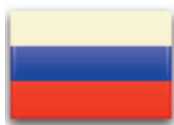
А.Г. Оганесян:

Кстати, у меня такое же впечатление от выступлений наших украинских коллег. Они как бы вылили холодную воду на наши ожидания. Я только одно могу сказать - не надо так жестко противопоставлять экономический национализм тому братству, близости двух народов. Братья в семье бывают достаточно эгоистичными, переделывая собственность, - и ничего. Наоборот, мне кажется, в этом залог более здоровых отношений между Россией и Украиной. Не мы с вами строили это братство. Нам легче всего взаимодействовать, находя компромиссы. Экономический патриотизм или национализм всегда ищет компромиссы с соседом, с тем, с кем он может сотрудничать. Здесь возникает немалое поле для взаимодействия. Я хочу предоставить слово человеку, который знает это лучше.

Владимир Леонидович Жарихин, заместитель директора Института стран СНГ:

Вы очень правильно сказали, что наши украинские коллеги тех, кто имел некие романтические представления, окунули в холодную воду. Но в мире должна быть симметрия, поэтому я попытаюсь окунуть туда же наших украинских коллег. Когда рассматриваются наши отношения, мне кажется, возникает такая устойчивая ошибка, во-первых, рассматривать их в отрыве от проблем меняющегося мира, и, во-вторых, в отрыве наших внутриполитических проблем, особенно российских. Зачастую украинские коллеги идут по такому пути: вот 1-2 человека решают все на высоком уровне, а все остальные не должны учитывать внутриполитическую и внутриэкономическую ситуации у нас, в России. Кстати, и нам не надо изучать то, что у вас происходит. Зачем изучать тонкую структуру российской политики? Она есть, но если мы в России достаточно

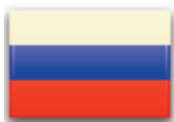

часто, с вашим или без вашего участия, активно анализируем и изучаем те процессы, которые происходят в украинской политике, то я вижу, что процессы, которые идут в российской политике, украинским аналитикам просто не интересно. Достаточно почитать газету «Коммерсант», послушать «Эхо Москвы», и все становится ясно о том, что происходит у них в России. Возвращаясь к самолетам, танкам, проектам, кто сказал, что будет легко. Кто сказал, что Путин, Медведев, российские олигархи, российские военно-промышленные группы, что называется заинтересованные лица, после того, как Украина сделает небольшой поворот, чтобы вернуться к России лицом,

тут же изобразят эдакую картину Рембрандта «Возвращение блудного сына». За эти годы практически все российские предложения о сотрудничестве или отвергались Украиной, или саботировались. Неужели непонятно, что у нас выстроилась совершенно определенная система отношений, - что называется «не от хорошей жизни», - и в области самолетостроения, и в области оборонной техники вполне определенные обязательства. Возьмем, к примеру, СуперДжет обязательства, перед многими западными фирмами, которые участвуют в этом проекте. У нас тоже разработаны проекты, примерно тех же самолетов. И после этого все это сотрудничество бросить? В

конце концов, я согласен, давайте вместе поработаем, будет непросто. Российскую сторону часто обвиняют на Украине в том, что она слишком активно участвует в украинских делах. В случае, если украинская сторона действительно заинтересована в реальном расширении сотрудничества, она должна самым активным образом заниматься лоббистской деятельностью внутри российского политикума. А такого стремления я не вижу. Давайте говорить прямо: собственно, у кого «горит», кому нужнее это сотрудничество? России? Постоянно говорится о том, что от России здесь нет предложений, там нет предложений, мы ждем предложений. А почему бы самим, коль это в интересах

Украины, - и коллеги говорят о том, что мы переходим на прагматичные отношения - почему не сформулировать именно интересы Украины и продвигать их, и свои инициативы в тех или иных экономических и политических проектах.

Например, «Южный поток». Собственно, на каком основании Россия после того горького опыта двух инициированных войн, которые серьезно испортили отношения России с ЕС, должна повернуться на 180 градусов и сделать ставку только на украинскую газотранспортную систему. Пока что у России нет никаких для этого оснований, и Россия

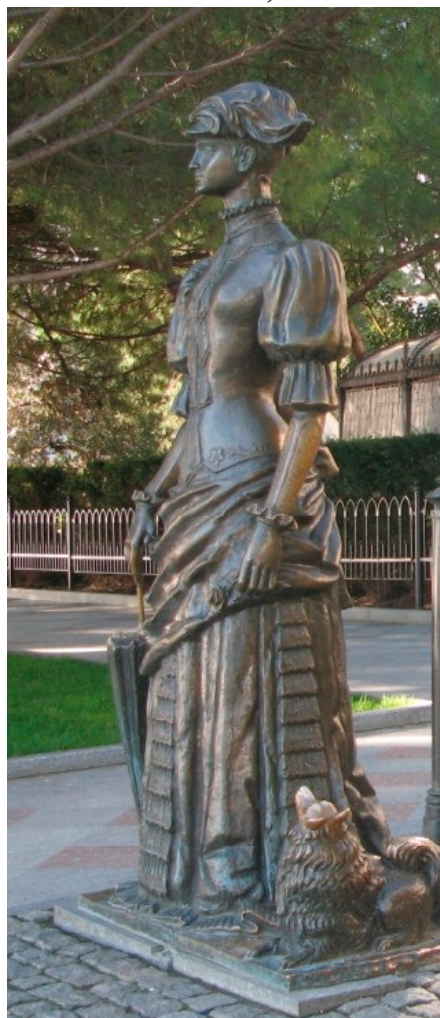
будет делать «Южный поток». Другое дело, что Россия не собирается пускать весь поток своего экспортного газа через «Северный» и «Южный поток». Это должно быть совершенно ясно, потому что вместо газового монополиста Украины тогда Россия получит газового монополиста Болгарию или газового монополиста Германию. Эти потоки и создаются, чтобы иметь постоянный запас мощностей, чтобы никто не был монополистом. Например, когда Лукашенко попытался «поиграть» на своем газовом монополизме, кто помог России? Украина, которая оказалась готовой бросить эти потоки через свою систему. Россия этого и добивается, чтобы никто не был монополистом. И здесь надо вести переговоры, не о том, что Россия должна закрыть «Южный поток» - не закроет, а о том, какая доля этого потока остается Украине. Поэтому все-таки надо определить для себя, что вы должны быть рады, что мы, наконец, повернулись в вашу сторону. Мы рады. А вот дальнейшее зависит, не только от доброй воли России, но и от активности украинской стороны.

В.П. Казарин:

В рамках такого мира братство воспринималось как са-

моценность каждого. В СССР появилась новая парадигма - есть русские и украинцы.

Разделение произошло в рамках СССР и новая идентификация «русскости», которая была создана в СССР. Отсюда другой взгляд - это уже не одно общее целое, а два народа. И отсюда очень характерная для украинского национализма точка зрения: если нам будет хорошо, а их не будет, то нам будет лучше. Но, к сожалению, есть и «русский» взгляд, который мы скрываем, - это, если украинцы не будут с нами, то тогда нам безразличны и чужие. Это совершенно новая логика,

которая возникла, она не присутствовала в рамках российской культуры. Это проблема братства и мы должны вернуться к старому, дореволюционному российскому взгляду на «русский мир» и тогда все по-другому будет выглядеть.

А.Г.Оганесян:

Я хочу сказать только, что это связано с понятием антиномии. Экономический национализм антиномичен понятию братства, но не противоречит ему.

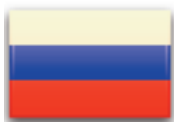
О.А. Горбунов:

Мы говорили о форматах

интеграции военно-политической и экономической, но не упомянули такой важный момент, как общественная интеграция, общественные контакты. В СМИ присутствует долгое время такая тема, как создание общественного телевидения на Украине. Об этом говорит много Янукович. Скажите, пожалуйста, есть ли в Украине намерения делать такое общественное телевидение, будет ли принимать участие в этом Россия, если она выступит с такой инициативой?

В.А.Кулик:

Во-первых, такой проект существует – это телекомпания «Мир». К сожалению, я не назвал бы этот проект удачным. «Мир» даже не входит в двадцатку кабельных телеканалов. Правда, «Мир» настроен на горизонтальные общественные связи между странами в рамках СНГ. Касательно совместных проектов, я думаю, что будут опасения у наших русских коллег в отношении реализации такого проекта. Наша политическая культура, точнее бескультурие, то есть специфика украинской политической культуры, предполагает такую

шустризацию общественного дискурса. Я сомневаюсь, что русские зрители, тем более русская политическая элита, готовы к проникновению шустризации на российский телеканал. Если говорить на экспертном уровне и без прессы, то специфика критики украинских телеканалов будет вредить вашему политическому классу, она будет подрывать его основы. Совместные общественные проекты, которые будут обсуждать политические темы, будет не в интересах российской стороны. Если мы говорим о контролируемой дискуссии, то против этого будет выступать украинская общественность. Мы уже отвыкли от таких «конструктивных» медиа-проектов. Для нас интереснее Куликов, большая политика. Если говорить о социальных проектах, не медиа, именно там есть поле

для совместной деятельности. Общественные инициативы исходят от украино-российской общественной палаты. Надо создать нечто подобное, где будут сконцентрированы совместные проекты и позитивные примеры общественной кооперации на уровне институтов гражданского общества, на уровне взаимоотношений лоббистских организаций, экспертного сообщества. Я думаю, что для медиа-проектов, для широкой дискуссии пока время не настало.

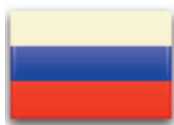
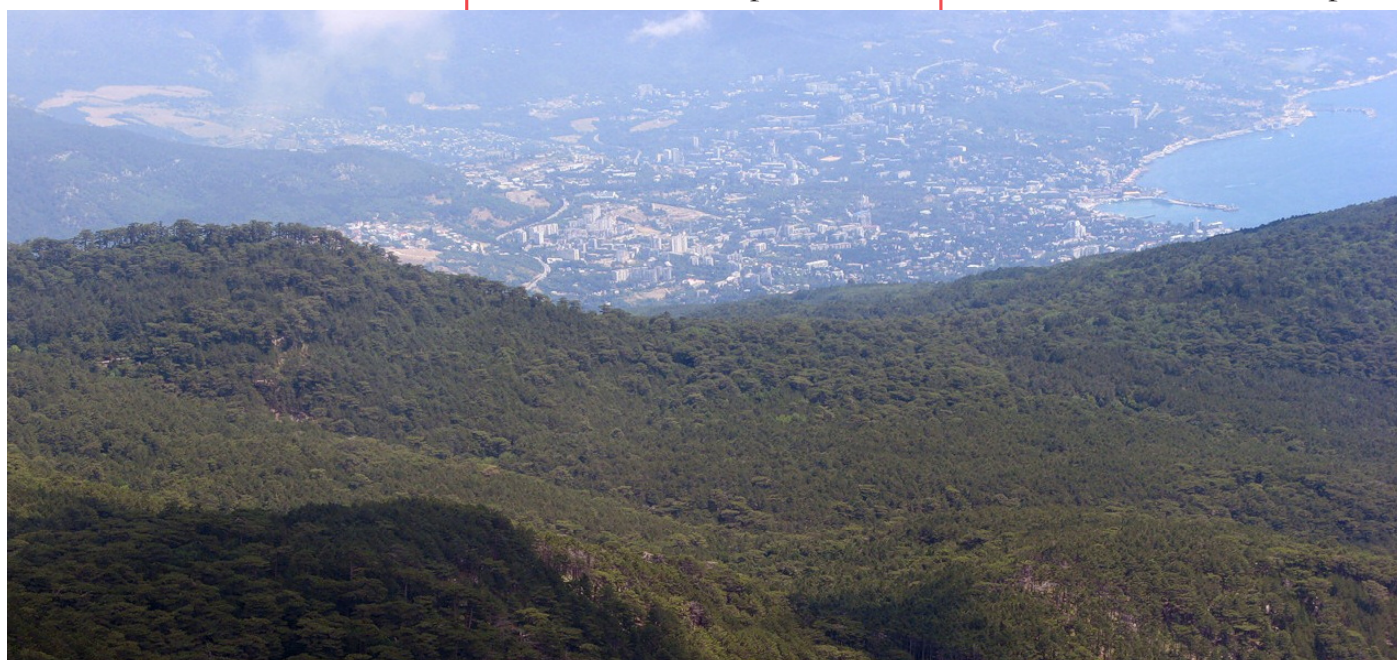
Д.И. Кирюхин:

Сейчас подготовлена концепция закона об общественном телевидении. Она одобрена на Государственном совете при президенте Украины. Очень стимулирующий мощный фактор - создание общественного телевидения для Европы. Если

дружба с Россией мало что требует от Украины, то дружба с Европой ищет не только выгод, но и еще и «чистого воротничка белой рубашки» – целый набор гуманитарных требований – а Янукович ориентирован на сотрудничество с Европейским союзом. И, конечно, в этом плане понятна ориентация на создание общественного телевидения. Я думаю, что если не в этом, то в начале будущего года этот проект будет утвержден на законодательном уровне.

А.Г. Оганесян:

Кстати, для России это будет интересный опыт, потому что в свое время я работал с украинскими коллегами телевидения и радио в Европейском вещательном союзе, куда входят крупнейшие телеканалы и радиокomпании. Они живут за счет лицензий, а не бюджета, их поддержи-

вают фонды. Нас там терпели и признавали наше членство, хотя не украинские, ни российские по статусу финансирования не могли быть членами этого союза. Я думаю, что если вы по этому пути пойдете, то в России неизбежно, как бумеранг, встанет это вопрос. Есть большие протогонисты этой идеи в России, чтобы хотя бы один канал был бы общественным, потому что это связано с вопросами демократии и независимости СМИ.

В.А. Кулик:

Небольшая реплика - к чему это может привести. У нас такое отношение к общественному телевидению: взять, к примеру, канал УТ-1 и переименовать его в общественный. То есть, не имея

нормальных медиа-продуктов, взять и убить весь коллектив. Если пойдут по такому пути, то такой опыт России не нужен.

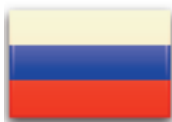
А.Н.Окара:

В 2005 году, когда Ющенко стал президентом, мне поступило предложение от украинского телевидения, который должен был стать общественным, о создании интеллектуальной программы. Пришли львовские журналисты – профессионалы. Но через довольно короткое время от идеи отказались.

А.С.Ципко:

Современное российское национальное сознание – Россия для русских – ничего не имеет общего с самосознанием старообрядцев. У них была идентификация рели-

гиозная – истинная Русь, истинная вера. Нынешнее – это наследство советской эпохи. Этническую русскую идентификацию создали коммунисты – это парадокс русской истории. Виталий, твой концепт интересен для политической горизонтали и вертикали (это вечный конфликт). Но с точки зрения единого русского поля - там были и Александр III, и Берлинский - подлинный язык великоросский, а украинский надо запретить, а, с другой стороны, Бердяев постоянно подчеркивает и отказывается от идеи Великой и Малой. Он говорит, что самооценку малоросов подчеркивалась наряду с тем, что украинцев воспринимают как равноценных велиросов. И у Аксакова, и у славянофилов не было противопостав-

ления Малого и Большого братства.

А.Н.Окара:

А чем и речь. Та культура, двухэтажная, о чем пишет Трубецкой-младший - есть культура образованного общества, а есть культура народных низов. Образованное общество - славяне, люди разного происхождения, говорящие на общерусском, русском литературном языке. Нижний этаж - это великорусский фольклор и диалекты - малорусский и белорусский языки. Логика развития украинской идентичности во второй половине 19-го века, а белорусской идентичности - в начале 20-го века, заключалась в том, что не двухэтажная культура, где верхний этаж - общерусский, а нижний - этнические элементы, а в самостоятельности и украинского, и белорусского

народов.

В. П. Казарин:

Когда мы говорим о высоких теоретических проблемах, - как говорится, дьявол кроется в мелочах, - то очень часто подспудно в этих спорах возникают другие процессы, которые ставят нас перед иной реальностью. Пушкинский пример: в 1811 году открыли лицей для того, чтобы готовить кадры для новой работы. Когда выяснилось, что в числе первых выпускников были декабристы, профессоров из лицея повыгоняли, а лицей закрыли.

Самые разные аспекты были затронуты, когда говорили о проблемах безопасности, а один забыли. Работая в Севастополе, я видел громадное количество увольняемых в запас военных людей: офицеров, военнослужащих. Помимо остальных несостыковок, которые у нас есть, здесь вообще нулевая ситуация. Все курсы социальной адаптации воинов всех категорий, увольняемых в запас, - все они натовские, норвежские, частично ПРИК ООН. Эти курсы, действующие более уже 15 лет, - двухмесячные с выездом и без выезда за границу - готовят бывших военных по гражданским специальностям. Через эти курсы прошло огромное количество людей. А потом получится, как с Царскосельским лицеем. Мы столкнемся с другим наследием, которое

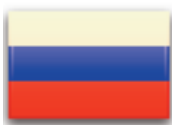
уже реализовалось.

А.Н.Окара:

Я уже говорил о конфликте горизонтально и вертикально ориентированных взаимных восприятий. В среде украинского политического класса ужас вызывает любое интеграционное объединение с участием России, в котором имеются или предполагаются наднациональные органы.

А.Г.Оганесян:

Я благодарю всех участников за жаркое участие в дискуссии. К сожалению, мы ограничены временными рамками. Сейчас мы должны прерваться, а после обеда мы преступим к обсуждению другой, не менее актуальной, темы.

Дискуссия вторая на тему:

Будущее «треугольника» Россия-Украина-ЕС

А.Г. Оганесян:

Мы продолжаем нашу дискуссию уже на другую, не менее злободневную, тему перспективного сотрудничества в рамках «треугольника» Россия-Украина-Евросоюз.

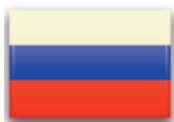
Владимир Андреевич Орлов, директор Центра политических исследований (ПИР-Центр):

Армен Гарникович, хочу поздравить журнал «Международная жизнь» с динамикой, которую мы наблюдаем. То, что вы делаете, очень полезно и для России, и для Украины, и для многих других, с кем мы взаимодействуем. ПИР-Центр, который я возглавляю, - это частный институт. Выступая, я не буду отражать ничьей точки зрения, кроме своей собственной. Действительно, мы работаем с различными российскими государственными структурами, включая администрацию президента. Как представитель частного ин-

ститута, я имею возможность и привилегию отстаивать свою позицию и давать собственные оценки. Я захватил для наших украинских коллег несколько экземпляров нашего журнала «Индекс безопасности», который выходит уже много лет в Москве. Даже пролистав их, вы увидите много известных имен. Владимир Горбулин вспоминает прошлое, российские коллеги анализируют украинские книги о голодоморе, также здесь есть анализ последних президентских выборов под названием «Старое вино в новой бутылке» и т.д.

Я хотел бы остановиться на нескольких моментах. Но то, о чем бы я не хотел говорить - это то, что нас разделяет. Потому что, я думаю, надо идти вперед, нащупывая те точки соприкосновения, а иногда и общих интересов, где мы могли бы поработать, посотрудничать на европейской площадке, потому что Россия и Украина, безусловно, являются европейскими государствами. Также боюсь, что Россия и Украина не будут участниками Европейского союза на обозримую перспективу. Россия такой задачи и не ставит.

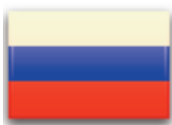
Украина вряд ли может решить эту проблему в ближайшее время. Но интересы у нас близкие в Европе, в Европе ОБСЕ-шной, то есть от Ванкувера и до Владивостока. Кроме того, у нас общие возможные интересы к ВТС в Центральной Азии. Давайте посмотрим на это с точки зрения того, что нас объединяет, что может быть предметом наших общих интересов. Потому что если мы будем говорить о неких отвлечённых понятиях, которые нас вроде бы объединяют, но не являются какими-то практическими или, как украинские коллеги сказали, не являются прагматическим цементом, то я думаю, цементом они тогда вовсе являться не будут. Во-первых, европейская безопасность и структура европейской безопасности. Для нас, в Москве, сейчас очень важен вопрос, как эта архитектура будет реформироваться. Совершенно ясно, что переходный период прошёл. Худо ли, бедно ли, но он завершился. Время строить, желательно, солидную прочную новую архитектуру европейской безопасности. В этой связи российское предложение о

Договоре о европейской безопасности достаточно внятно. Мы заметили здесь позитивную реакцию украинской стороны в её сегодняшнем формате и в целом позитивную реакцию президента Януковича-Грищенко на наши предложения. Один из моих мидовских друзей, который отвечает за продвижение Договора о европейской безопасности как идеи, как уже имеющегося проекта, характеризует её как некую интеллектуальную провокацию. Я думаю, что это всё-таки больше, чем интеллектуальная провокация, потому что есть проект договора, есть текст. Более того, российской общественности сейчас адресован призыв подготовить и альтернативные тексты, чтобы мы посмотрели, что устраивает саму Россию. Соответственно в Европе мы собираем различные точки зрения. Но нам очень важно, чтобы в Киеве не просто была высказана общая позитивная позиция в отношении Договора о европейской безопасности. Мне кажется, главное, чтобы мы работали сообща. Мне кажется, просто смотря на проект договора, что некоторые украинские политики с обеспокоенностью относятся к проблемам в области безопасности, в том числе связанные с гарантиями безопасности, хотя

они неплохо проработаны в проекте договора. Но, раз это интеллектуальная провокация, то давайте ей поддадимся и будем писать карандашом по тем проектам статей, которые есть. Есть интересная статья 2 (пункт 3) о недопущении использования территорий государств-участников договора в целях подготовки и осуществления вооружённого нападения

против участников договора. Есть, безусловно, интересная статья 7 - что делается в случае такого вооружённого нападения. Для нас это не пустые звуки, не отвлечённые понятия. Я имею в виду недавнее событие на Кавказе (война 1 августа 2008 года). Другой момент связан с ОБСЕ, структурой, к которой у нас в Москве накопилось достаточно много

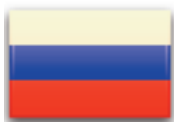

замечаний. Но, тем не менее, немножко поразмыслив, помучавшись, всё-таки мы решили двигаться дальше. Председательство Казахстана — немаловажное, но мы с вами все помним, что будет в 2013 году — это председательство Украины. Есть шанс ОБСЕ убить после председательства Казахстана, и есть шанс ОБСЕ превратить в реальную организацию по европейской безопасности. Думаю, казахстанский саммит сможет стать хорошей площадкой для российско-украинской работы. И последний момент. Я на нём подробнее останавлиюсь. Это российско-украинское сотрудничество в области атомной энергетики. Оно здесь прозвучало в разных

контекстах. Г-н Марков его упомянул в перечне приоритетов. Я думаю, у нас есть интересная, но болезненная история, которая могла угрожать атомную энергетику — это Чернобыль. Но, тем не менее, мы этот период прошли вместе. Развиваясь по-разному в последние годы, тем не менее, чернобыльский синдром преодолели, как его преодолел и весь мир, находясь в периоде, предшествующем атомному ренессансу. И Россия, и Украина имеют хорошую возможность поработать, именно исходя из общих экономических интересов и, как мне кажется, шире, чем экономических. Для нас в Москве этот выбор не простой и не совсем очевидный.

С одной стороны — да, вроде бы частичка нашего бывшего комплекса, имеющего более чем 60-летнюю историю сотрудничества в атомной сфере, начиная с программ по созданию ядерного оружия в СССР.

Но была и еще такая точка — очень для нас болезненная, потому что, в отличие от Чернобыля, я её забыть не могу, — это Бушер в Иране. Мы работали совместно до того момента, как американцы на Украину надавили, и Украина выскочила из бушерского проекта. Нам тоже непросто, и вы это тоже представляете. Но обязательства должны выполняться. И совместная работа должна делаться. Мы её решили. Мы сделали этот сложный в эко-

номическом и техническом, но прежде всего в политическом смысле, проект. Нам бы не хотелось, чтобы в дальнейшем, когда мы ведём дело чуть ли не до единого замкнутого топливного цикла между Россией и Украиной, Казахстаном, чтобы подобные эксцессы повторялись. Поймите это, некоторые мои коллеги в Москве гораздо более скептически в отношении этих перспектив, чем я.

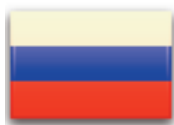
Если я правильно понимаю, в 2009 году доля атомной энергии в структуре производства электроэнергии в Украине составила 48 %, а уже в середине текущего года она превысила 50% и достигает почти 52%. Это гораздо более серьёзный процент, чем в Российской Федерации. До 2030 года 8 из 15 действующих на сегодняшний день энергоблоков че-

тырёх украинских АЭС исчерпают свой ресурс и на их модернизацию, если я правильно понимаю, с целью повышения безопасности и продления срока службы, как это планирует украинское руководство, на ближайшие 15 лет потребуется порядка 50 млрд. долларов.

При этом единственным значительным машиностроительным ресурсом и активом атомной отрасли Украины является Харьковский Турбоатом, три четверти акций которого принадлежат украинскому государству. Урановые запасы довольно интересны, они оцениваются в 200 тысяч тонн урана, вопрос о разработке которого сейчас с Атомредмедзолотом продолжает обсуждаться. В 2007 году мы к этому соглашению не пришли. Разработки залежей урановой руды можно

увеличить и производство урана в Украине довести до 6, 5 тысяч тонн в год, но вопрос, будет ли это рентабельным без создания полного цикла производства ядерного топлива, которого в Украине сейчас нет, стоит по-прежнему.

Мы, конечно, обращаем внимание на ситуацию вокруг южно-украинской АЭС, куда опытные партии топлива поставляет американская компания Westinghouse. Я знаю, что, по мнению национальной комиссии радиационной защиты Украины, это топливо может стать источником экологической угрозы региона и сопредельной территории Черноморского бассейна. Топливо не сертифицировано, проблемой является вывоз и переработка этого топлива, в то время как российская компания ТВЭЛ, согласно подписанному

контракту, вывозит всё отработанное топливо для переработки и хранения в Россию.

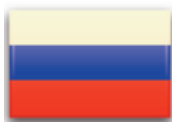
Недавно в июне этого года (2010) ТВЭЛ и Энергоатом подписали долгосрочный контракт на поставку ядерного топлива для украинских АЭС, и российское ядерное топливо для украинской стороны примерно процентов на 20 дешевле. И, наверное, в этой же связи следует посмотреть на то, как вокруг Westinghouse развивается ситуация.

В этом же году Россия предложила Украине объединить в холдинг атомные активы двух стран. В пакет предложений вошли совместные проекты, замороженные во время правления Ющенко,

включая строительство завода по производству ядерного топлива, долгосрочный контракт на поставки топлива и создание совместного российско-украинского предприятия по добыче урана. В состав такого холдинга могут войти компания ТВЭЛ, Новосибирский завод химконцентратов, изготавливающий топливо для АЭС Украины, некоторые украинские урановые месторождения и атомное машиностроение. Менее месяца назад украинское правительство утвердило победителя на строительство завода по производству ядерного топлива, и ею стала российская компания ТВЭЛ, единственным конкурентом которой была американская компания

Westinghouse. Причиной успеха российской компании некоторые эксперты называют её готовность вкладывать в строительство собственные средства. И мы предполагаем, что завод начнёт свою работу уже с 2014 года.

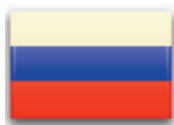
Думаю, что мы оставим время и для дискуссий. Но я хотел бы на этих конкретных примерах показать, что у нас есть динамика. Мне кажется, что в этот процесс было бы разумно вовлекать и Казахстан. И он уже вовлекается. С Казахстаном у нас есть хороший опыт работы по международному центру обогащения урана МЦОУ в Ангарске, и я рад, что Украина к этому российско-казахстанскому проекту под-

тянулась. Также и Армения. Для меня есть некоторые абстрактные понятия сотрудничества и некоторые конкретные проявления этого сотрудничества. Я вижу на примере международного центра обогащения урана в Ангарске то, что мы можем замкнуть ядерный топливный цикл - Россия-Украина, Россия-Украина и Казахстан. Я думаю, что это потенциально очень неплохая перспектива, особенно учитывая, что в августе госконцерн Ядерное топливо и Росатом подписали договор купли-продажи 10-ти процентов акций МЦОУ, и Украина получит гарантированный рынок сбыта природного урана и обеспечит стабильные поставки топлива для своей АЭС. Выводы, которые я делаю.

Первое – у нас есть все объективные возможности для устойчивого российско-украинского сотрудничества в области развития атомной энергетики. У России есть серьёзные намерения в разработках урановых месторождений России. Подписанные контракты создают хорошую базу. Запланированное строительство, создание совместных предприятий по производству ядерного топлива - лишнее тому подтверждение. Думаю, понятны некоторые попытки Украины (эмоционально понятные) диверсифицировать поставки ядерного топлива для АЭС Westinghouse. Здесь как бы и политический момент был понятен. Но атомная энергетика не та сфера, где в отличие от других сфер удаётся

вот так диверсифицироваться. Поэтому я не вижу возможности для Украины диверсифицировать эти поставки в краткосрочной и средней перспективе. И, наверное, эта высокотехнологичная отрасль, где мы бы могли бы поработать совместно на общее благо, на общеэкономическое процветание, на обеспечение собственной энергобезопасности, показать пример нашего сотрудничества другим европейским государствам, включая как собственно элементы строительства заводов и совместных предприятий, так и, повторяю, умышленно возвращаясь к этой мысли, - совместной подготовки кадров. Инвестируя в будущее поколение, инвестируя в кадры, будь то в области международной безопасно-

сти, нераспространения или так более чётко - физиков-ядерщиков, инженеров для ядерного топливного цикла, я думаю, именно таким образом мы построим реальные общие интеграционные платформы.

А.Г. Оганесян:

Спасибо, Владимир Андреевич, за обстоятельный доклад. Вот мы все плакались, плакались, а Владимир нарисовал конкретные проекты, которые уже двигаются, то есть как будто бы мы с вами, даже на нашей дискуссии, начинаем что-то рисовать на чистом листе бумаги. А на самом деле существует ткань российско-украинских отношений – конкретные проекты. У них, конечно, своя история – иногда занудная, многолетняя, - но она есть со своими успехами и достиже-

ниями. Я думаю, мы выразим признательность Владимиру за то, что он их обозначил совершенно четко и ясно.

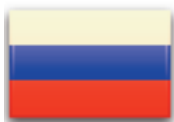
В.А. Жарихин:

Я уже говорил, что все-таки при анализе успехов и сложностей во взаимоотношениях России и Украины, не всегда достаточно оценивается влияние внешних факторов. Мы живем не в изолированном мире, больше того, мы живем на семи ветрах евразийского субконтинента, и, безусловно, то, как происходит это взаимодействие и какие тенденции возникают на этом пространстве, самым серьезным образом сказывается и на наших отношениях. Мне кажется, что за последнее время многие проблемы, которые возникли в нашем диалоге, связаны с тем, что,

может быть, увлекшись очень богатой, очень интересной внутривнутриполитической жизнью на Украине, украинская политическая элита отвлеклась от тех достаточно резких изменений, которые проходят на мировой арене в последнее время. Возникли новые тренды. Те тренды, которые казались раньше определяющими, сегодня уходят на задний план, соответственно появляются другие. Мы тоже до конца не воспринимаем их адекватно. Но, мне кажется, что мы в России больше уделяем внимание тому, что происходит в мире. Что касается изменения трендов, например, внутри Европейского союза.

Совершенно явно в последнее время пошла тенденция перехода от такого интенсивного расширения Европейского союза, скорее к стабилизации, к перевариванию того восточно-европейского пространства, которое Евросоюз получил. Но не до конца переварив, стал чувствовать огромные сложности и, тем более, там растет понимание того, что надо адаптировать, интегрировать то, что получили, прежде чем расширяться дальше. Я полагаю, что эта тенденция – на ближайшее десятилетие как минимум.

Второе – это ослабление давления Соединенных Штатов на стратегическую линию

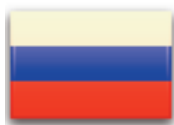
Евросоюза. И дело здесь не столько в экономическом кризисе, а сколько в вызывании общеевропейских интересов, которые в большей степени по объективным причинам противоречат интересам американцев, прежде всего в сфере экономики. Еще одна тенденция – стремление к формированию в современном мире самодостаточной экономической системы, причем в минимальной степени, учитывая политические риски, – зависящей от морских коммуникаций. А это значит все-таки желание создания некоего экономического конгломерата с той же самой Россией. Со мной, я думаю, будут спорить коллеги, но я скажу, может быть, излишне категоричную вещь, – опыт просто показал – Украина для Европейского союза без России не интересна. Если речь вести о вступлении Украины в Евросоюз, то она будет создавать проблемы и в экономическом, и в политической области для Евросоюза, а в нынешнем его состоянии для него это неприемлемо. Кстати, когда коллеги из Украины достаточно справедливо и доказательно говорили о проблемах, которые возникают сейчас в реальном экономическом взаимодействии с Россией, здесь надо учитывать тот момент, что ведь и для России Украина,

как изолированный от общеевропейских тенденций субъект, не слишком интересна. Невстроенная в эти общеевропейские тенденции, она тоже оказывается в определенной степени скорее не подспорьем, а барьером к тому, чтобы развивались именно эти тенденции, в которых, безусловно, Россия заинтересована. В одном из своих первых интервью Янукович говорил об Украине как о мосте между Западом и Россией, имея в виду в первую очередь Европейский союз. Идея, конечно, правильная и конструктивная, потому что, во-первых, Украина становится тем, чем, к сожалению, в последние годы не была. Одна из крупнейших европейских стран – Украина – в европейских отношениях была не субъектом европейской политики, а исключительно объектом. Нахождение субъектности Украины – это как раз участие в формировании именно такого моста. И второе – это может снимать многие внутренние украинские проблемы, потому что, образно говоря, один конец этого моста будет во Львове, а другой – в Донецке, что снимает проблему внутри украинского раскола. Мне кажется, что без обсуждения вопроса нахождения наших стран, которое явно ме-

няется, подвержено новым тенденциям в геополитическом и геоэкономическом отношении, не обойтись. Уж, извините, это значительно более конструктивно, чем вспоминать замечательные истории наших отношений 16-го, 17-го века.

А.Г. Оганесян:

Спасибо. Я хочу обратить внимание на то, о чем говорил Владимир Леонидович, – мост Львов-Донецк, который играет роль не только для всех участников – и Европы, и Украины, и России, – но и делает их, если не равновеликими в плане их экономик, то, по крайней мере, незаменимыми друг для друга. Эта

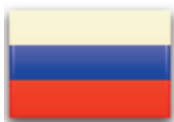
тема соединительного моста актуальна как всякая идея транзита и движения. Сегодня мы как-то не коснулись, практически, Керченского проекта, а это очень интересный проект, который может служить и этой же цели соединения Европы через Украину с Россией. Тема пантранзитной, паневропейской линии – это не просто дорожная карта небольшого маршрута, это целая структура возможного параллельного развития, это намного шире, чем Керченский проект. Соединительный мост может стать консолидирующим фактором на пространстве наших стран.

В.А. Кулик:

У меня как бы рефлексии на выступления г-на Орлова и г-на Жарихина. Сначала я хотел бы напомнить занятую историю. В конце правления Ющенко у нас на здании МИДа почему-то

пропал флаг Евросоюза. А висели два – Украины и Европейского союза. Оказывается, он выцвел, потерял цвет, также как наши «романтические» европейские иллюзии в отношении Европейского членства. Г-н Жарихин, Вы - не наблюдательны: у нас изменилось отношение не просто к европейской интеграции. С приходом новой власти у нас изменилась концепция, мы не называем даты интеграции. Мы прекрасно понимаем, что до 2025 года европейское членство для Украины не обсуждается. В украинской политической элите сейчас и дискуссе пропали даты интеграции Украины в Европейский союз. Напомню, что в 2005 году г-н Рыбачук, тогда глава администрации, называл дату вступления Украины в ЕС – 2008 год. Сегодня 2010 год и никаких перспектив интеграции мы не видим. Изменились подходы. Раньше мы

интегрировались в Европу по принципу евро-идиотизма: сдача интересов благодаря каким-то европейским иллюзиям. Максимально интегрирование в ЕС потеряло при этом и политическую, и экономическую составляющую, и суверенитет, и прочее. Сейчас вопрос о таком евро-идиотизме не стоит. Европейский выбор, в понимании Януковича, в первую очередь это политика постепенных шагов, которые дают ощутимый результат. Европейский выбор – это получение ассоциаций, свободная зона торговли, карта безвизового режима. И это мы получим уже в будущем году. Кое-что мы получим на саммите 22 ноября 2010 года. Я думаю, что введение плана безвизового режима – это путь, по которому за 2-3 года мы придем к отмене виз, по крайней мере, для 70 % украинцев. Это не значит, что будут отменены визы для трудоустройства в Европейском союзе – рабочие визы. Сейчас и студентам, и журналистам, и чиновникам, и людям творческих профессий визовый режим для выезда в Европу упрощен. Такая процедура будет действовать для 70 % украинцев. Это – практически наш европейский выбор в понимании Януковича. Не интеграция в Европейский союз, а постепенные шаги, от которых мы

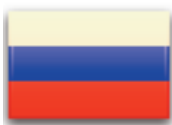

получаем определенную прибыль – и политическую, и экономическую, и социальную, и прочее.

Теперь касательно Договора о европейской безопасности. Я не согласен здесь, что Будапештский меморандум дал нам гарантию безопасности. Он дал нам уверения в безопасности. В английском языке есть четкая разница между этими понятиями: уверения – не значит гарантия. В Будапештском меморандуме мы не получили гарантийного механизма, так что гарантии безопасности от России, США, Великобритании – это «филькина грамота». Поэтому нынешняя власть ставит вопрос, что если мы сейчас говорим о стратегическом партнерстве с Евросоюзом, с США, с Российской Федерацией, то давайте подписывать гарантийный документ, который бы четко прописывал гарантийный механизм и ответственность сторон, и эти самые гарантии безопасности. Тогда встанет вопрос о том, что введение понятия внеблокового государства в Конституцию будет подкреплено некими внешнеполитическими гарантиями. Тогда это станет реальностью. Вопрос самого договора. Сам по себе Договор о европейской безопасности – очень красивый, но для Украины необходимо, чтобы

кроме этого Договора, была система стратегического партнерства – документы высокого уровня. Они существуют с Россией. Думаю, что они будут подписаны – об этом есть уже договоренность – с Китаем. Система Договора стратегического партнерства, плюс Договора европейской безопасности, плюс гарантийный механизм о безопасности Украины – тогда можно говорить о полномправном нашем участии в выработке единой политики

безопасности в Европе. Пока я вижу отказ НАТО обсуждать этот проект – НАТО не видит необходимости подписания такого договора. Мы видим, что Европейский суд забалтывает эту идею на уровне согласования документов, на уровне обсуждения идеи каких-то теоретических конструкций. Да, европейцы готовы обсуждать, но когда вопрос стоит о подписании документов, европейцы начинают съезжать. Это заметно даже на эксперт-

ном уровне. Кроме того, европейцы сейчас говорят о неких двух пространствах, что НАТО не исключает Договора о европейской безопасности и расширения НАТО. Эта казуистика очень опасна. Мы можем подписать Договор о европейской безопасности и оставить всю угрозу расширения НАТО на Восток. Если не будет единой позиции Украины, России и НАТО и всех других участников переговорного процесса по Договору о европейской безопасности, то он потеряет всякий смысл.

Теперь в отношении Украины как моста и субъектности. Мне, например, не нравится слово мост. По мосту ходят, следят, мусорят, иногда мост расшатывается от интенсивного хождения туда и назад. На мосте не живут. Украина является интеграционной частью практически двух пространств — европейского и евразийского. Мостом быть нельзя. Мы должны быть симметрично интегрированы и в европейское, и евразийское пространство. Если этого не будет, то Украина и не будет субъектом. Украина была субъектом — субъектом региональной игры, это было во времена второго

президентства Леонида Кучмы. Тогда многие геополитические игры, которые реализовались и Москвой, и Западом, Украина могла бы строить. Например, поставить вертолеты в Македонию и тем самым сорвать фактически уничтожение Македонского государства. Поставить ракеты в одну из ближневосточных стран и сорвать агрессию. Тогда Киев показывал самостоятельную политику. Это не нравилось ни Вашингтону, ни Москве.

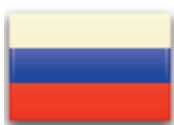
Украина готова к субъектности, но давайте партнерски это обсуждать.

казывались от экспорта технологий. С русскими в этом понимание есть. Американцы категорически отказываются подпускать нас к технологиям. И это — главная причина, почему мы отказались от их услуг и не поддержали продолжение контракта. Но то, что мы будем искать возможность для диверсификации поставок ТВЭЛ, ядерного топлива, конечно, мы будем искать источники. Но пока мы этого не видим в сотрудничестве с Россией. Потом в нашей стратегии энергетической политики до 2020 года есть пункт, что

Теперь по поводу поставок ТВЭЛов и поставок ядерного топлива. Проблема заключалась не в цене топлива, а в том, что американцы и канадцы от-

до какого-то года мы построим 22 атомных энергоблока. Даже если исключить всю научную фантастику из этой формулировки, то, по сути,

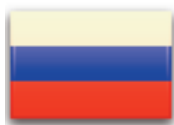
речь может идти реально о 4-х или 7-ми энергоблоках. Но у Украины нет ни средств, ни возможностей, и я не вижу, что Россия нашла бы инвестиции для строительства наших энергоблоков. Здесь должны быть совместные европейско-российско-украинские проекты, именно в этом треугольнике. Это должны быть реакторы нового поколения, должен быть контроль, так как эта область непосредственно связана с вопросами безопасности. Совершенно очевидно, что Украина не должна быть зависимой от одного поставщика как на уровне технологий, так и на уровне ядерного топлива.

А.К. Пушкин:

Я хочу поспорить с Владимиром Жарихиным на счет концепции моста. Дело в том, что Россию долгое время изображали мостом. Об этом очень любил говорить Рогов: Россия – это мост между Евроатлантическим миром и Азией. А сейчас, когда возрастает значение Азии (азиатский век), Россия признана сыграть роль моста. Россия в качестве моста никому не нужна, потому что Рогов просто не заметил, что

мир глубоко изменился. Сейчас все происходит через компьютеры, через новейшие технологии. Эта идея какого-то транспортно-моста просто не выдерживает проверки временем. Азиатские и евроатлантические экономики интегрированы гораздо сильнее друг с другом, чем российская экономика. Эта концепция 19-го века. Она устарела. Я думаю, что она применима и к Украине. Это – некая конструкция, неприменимая к сегодняшней реальности. Сейчас расстояния – это понятие условное. Нажимаешь мышку, и гигантские средства и ресурсы перебрасываются мгновенно из одной части

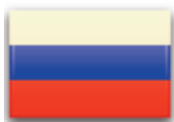
света в другую. Я думаю, что здесь дело не в мосте. Я думаю, что если Россия и Украина найдут некую экономическую общность и будет создано некое экономическое пространство, то они от этого могут выиграть. В принципе, когда говорят люди в Германии, во Франции, не в Америке, в Словении, что если бы Россия и Украина создали общий экономический тандем, то в этом Европа была бы заинтересована. В этом случае, идеальном, Европа воспринимала бы эти две страны как некое экономическое единство и выстраивала бы с ними отношения, не опасаясь уже газовых войн или других проблем. Это со-

ответствует тренду: Евросоюз расширяется, Европа становится все более единой. Точно так же, как я понял из общения с нашими западными коллегами, их устроит и неидеальная ситуация. Они смогут иметь дело и с Россией, и с Украиной по отдельности. Америка сознательно играет на разделении России и Украины. Как мы знаем, в Европе действуют достаточно сильные проамериканские силы, которые ориентированы на разделение. Когда мы говорим, что Европе Украина без России не нужна, я думаю, что это преувеличение. Да, если бы у России и Украины были бы идеальные отношения, Европа рассматривала бы это как некий позитивный фактор с экономической точки зрения. Но если нет... Украина может быть востребована без России, даже Молдавия нужна без России. Практически все могут быть без России. На это работают определенные силы, которые считают, что Россию надо ослабить и пригласить в качестве такого младшего партнера Запада, а не рассматривать ее как равноценного партнера. Мы же с вами понимаем, что Барак

Обама - это некий идеалистический нарост на историческом теле американского правящего класса. Я считаю, что Барак Обама - один, вокруг него нет никого. Но он решал свою задачу - он чернокожий, который должен был стать президентом Соединенных Штатов. Он выработал некую идеологию - глобальную, красивую - он протянул руку исламскому миру, с нами начал «перезагрузку» и т.д. Да, климат стал другой в мире. Только мы с вами видим, что ничего драматического эта политика не поменяла: он не может уйти из Афганистана, он не может уйти окончательно из Ирака. Вся эта риторика отражает одиночество Обамы, а за ним идут классические политики: Байден, Хиллари Клинтон, Роберт Гейтс. Это еще люди центрических позиций, а справа их поджигает Сара Пейлин - это моя мечта, я хочу, чтобы она стала президентом Соединенных Штатов, потому что, мне кажется, она завершит падение Америки как супердержавы. Я, конечно, утрирую. Но что будет через 2 года в Соединенных Штатах? Какие силы придут к власти? Может

быть, придет Сара Пейлин или ее партия «Чайпитие» - антиобамовское, кстати, такое пророссийское движение, которое сейчас там развивается, подопрет правого кандидата, достаточно серьезного. Некоторые говорят, что им может стать генерал Макмиллан, которого уволил Б. Обама из Афганистана. Идет серьезный поиск серьезного человека. После каждого демократа в Америке на смену к власти приходит очень правый президент. После Картера к власти пришел Рейган, и установилась на долгое время эпоха рейганизма. Сара Пейлин может стать флажком, который показывает, куда движется ситуация. Может быть, она нечем и не станет. Что в этой ситуации будет? Мы слышим отовсюду, что мир движется к лучшему. Я в этом не уверен, в зависимости от ситуации он может двигаться и к лучшему, и к худшему. Придут такие люди, которые скажут, что им нужна именно Украина и именно без России. И не надо никаких мостов. Мы ее сейчас будем интегрировать, а Россия, если она будет покорной и согласной, мы ей тоже что-нибудь дадим.

Связь Украины и России есть всегда. Вопрос только в том, как она диалектически преломляется. Я, например, очень хорошо знаю, что в США очень серьезно думают о Молдавии, о которой никто ничего не знает, кроме тех, кто о ней думает. Ну, а о судьбе Украины, такого регионального гиганта, конечно, очень серьезно думают. Я полагаю, что мы можем вступить на этап, когда эти новейшие, позитивные тенденции могут быть подвергнуты очень серьезной проверке, потому что с изменением американской внешней политики из-

менится и европейская внешняя политика, и возрастет и давление на Украину, и, может быть, возрастет опять и антироссийское давление. Сейчас надо воспользоваться моментом и создать прочный потенциал.

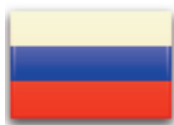
В.А. Жарихин:

Позволю себе ответить. Я не имел в виду железобетонный мост, по которому едут конные повозки с товаром.

А.Г. Оганесян:

Наш журнал проводил Круглый стол с французами. Он был полузакрытого типа, потому что они не хотели быть

откровенными, они просто не хотели идентифицировать свои оценки. Но, посмотрите, что происходит. Владимир прав, есть мировой контекст. Усиление Азии, о чем говорил Алексей, объективно толкает Европу в сторону Восточной Европы, в первую очередь в Россию и Украину. Ведь Обама сказал абсолютный бред – и все это признали – о равномерном экономическом всеобщем росте. Это в здании ООН, где уже подсчитано, что ресурсов в мире просто нет, никаких: ни экономических, ни экологических, ни финансовых.

Ресурсная база настолько конечно по отношению к современному развитию. Представьте, за последние 3 года мы домов построили больше, чем за три века существования человечества. Какая нагрузка на все и ресурсно-энергетическая база тающая. И Европе совершенно понятно, что, объединившись с пространством восточнее, включая, конечно, Россию и Украину, она получает дополнительный стимул выживания и конкуренции. Французы это понимают четко, отсюда и вся риторика Саркози. Кстати, я согласен с вами, когда мы берем наднациональный этаж, как он обсуждает предложение Медведева по европейской безопасности, - он негативный. США как наднациональные тоже негативно относятся к Европе, НАТО – негативно. Но и Саркози, и Берлускони, и даже Меркель в последнее время сделали абсолютно отчетливое заявления, что они заинтересованы серьезно рассматривать Россию. Жест это или за этим стоит какая-то реальная политика? Не знаю. Но даже если это – жест, это говорит о немалом зазоре, который существует. Вообще французы дали очень хорошо понять, что нет единой европейской политики, она вся соткана из противоречий. И мы с ними,

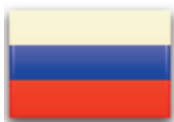
конечно, в этом согласились. Я думаю, конечно, что американцы сделают все, чтобы не произошло этого сближения. Причем французы интересно говорили, что они все-таки рассматривают сближение с Россией только в союзе с Германией. Потому что Германия более всего заинтересована в безопасности, в стабильности в Европе, больше, чем даже французы. Один французский мыслитель отдает должное, будучи абсолютным французским патриотом, тому, что у Германии есть преференции в общении с Восточной Европой. В этом отношении я хотел сказать, что не все так плохо для нас. Я здесь не исключаю идею мостов. Я не согласен в одном: интернет, конечно, для продвижения капиталов играет роль, но не для движения товаров, грузов – для этого все же нужна дорога. То, о чем говорил Владимир, это – возможный транзит оживления товаров, торговли. Я не считаю идею

моста оскорбительной. Как говорил классик марксизма, «всякое сравнение хромает». Мы не рассматриваем Украину или Россию именно как мост. Ведь и для Китая сейчас, и стран Средней Азии идея транзита стала просто идеей фикс. И никто из небедных азиатских стран не стесняется бороться за право быть транзитной страной. Мы завершаем нашу дискуссию. Желающие еще выступить, пожалуйста.

В.А.Орлов:

Я думаю, что здесь никто не испытывает иллюзий по поводу того, что американцы на долгое время снимут давление на Россию в связи с украинскими играми. Дана передышка Обамой. Тут я согласен с Алексеем. Такой добрый дедушка, как Лугр, который сидит в сенате, уже начинает прокачивать свои идеи поскорее нас разделить. По гарантиям безопасности в Будапештском протоке. Передо мной документ, где написано, что Россия и США готовы предоставить гарантии безопасности и дальше по пунктам. Поэтому, можно по-разному воспринимать механизмы реализации, но гарантии-то безопасности есть. Второе – по Договору по европейской безопасности. Мы на самом деле ведем очень сложный

диалог и с НАТО, и с ЕС, с государствами европейскими. И, вы знаете, нет совершенно одинаковой картинки. Где-то немножечко корежятся, говорят, зачем нам это надо. И так, вроде, все есть, не нужно никаких новых механизмов. Испанцы говорят: «О, классно! Мы с вами!» Они по-своему это видят. Французы, действительно, с большим интересом относятся к этой идее. Немцы размышляют и вновь могут склониться к его подписанию. Давайте сегодня подрафтируем с Парижем, Брюсселем, еще с кем-то. Двигать вместе всегда интереснее.

Насчет инвестиций в атомную энергетику. Мы в Москве, когда смотрим на возможности атомного экспорта, видим, что даже на богатых направлениях — Ближний Восток или некоторые точки Ближнего Востока, где мы будем или пытаться строить наши АЭС — нам даже там придется частично инвестировать проекты. Мы можем инвестировать проекты и в Украине, но это надо обсуждать, об этом надо договариваться.

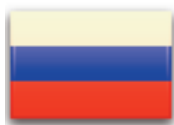
В.П. Казарин:

Я хочу высказать скептицизм по этому поводу. Целый ряд проектов атомных станций

или что-то другое — это хорошо. Но все в конце концов упирается в ресурсы, выясняется на практике, что ситуация не такая уж радужная. Керченский мост. Маленькая справка: впервые эта идея возникла еще в советское время, когда был проработан вопрос. Я знал людей в обкоме партии, которые эти документы в руках держали. Тогда строительство БАМа закрыло этот Керченский проект. Советское правительство заявило, что когда закончим стройку века БАМ, тогда и начнем строить Керченский мост. В те времена он оценивался в 600 миллионов рублей, почти 700 миллионов долларов, даже больше. Вопрос сняли, и он возник уже в новейшее время. Я помню, как Грач вместе с Лужковым закладывали паромную переправу,

забивая костыль. Но на этом все кончилось. Когда проходили предвыборные кампании в 2004 году, туда тоже приезжал Путин (перерезали ленточки). Сейчас снова поднимается этот вопрос. Вспомните, как проходила последняя встреча в Геленджике, когда Украина предложила рассмотреть этот вопрос до 2012 года, то Медведев отреагировал очень сдержанно, дескать, давайте подождем Олимпиаду 2014 и к этому событию приурочим. Обещал поручить разработать варианты строительства. Выяснилось, что Россия еще не выбрала для себя вариант. А наш министр транспорта сказал в интервью, что с министром транспорта России Ливитиным он переговорил, тот сказал, у нас денег нет, давайте предлагать Евросоюзу в рамках проекта кольцевой

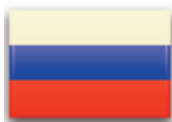
дороги вокруг Черного моря. Если Евросоюз даст деньги, тогда мы готовы в этот проект вступить. То есть опять все уперлось в то, что Россия — отдельно, Украина — отдельно — нет денег на этот проект. В сегодняшних условиях прагматизма, о которых мы сегодня много говорили, я хочу сказать: допустим, через Керченский мост будет ближе железнодорожное движение. А кто сказал, что России будет выгодно завести свои транспортные потоки на территорию Украины, провозить через территорию Украины и увозить через территорию Украины? При всяких возможных политических катаклизмах, которые нас иногда преследуют, с точки зрения национального интереса, действительно ли так важно длиннее проехать по своей территории или дважды при

этом пересечь чужую границу?! Проект Керченского моста, если внимательно посмотреть, многое проясняет, и в том числе множество мифов обнаруживает.

С.А. Мамонтов:

Иногда в ходе наших дискуссий у меня создается впечатление, что мы знаем возможные ходы по улучшению ситуации. И те или иные загадки или задачи, которые перед нами возникают, позиционируем как плохо разрешимые иногда или очень сложные. В то время как вокруг много примеров того, как, если нужно, люди, страны находят великолепные и точные решения. Длина Керченского моста — 10-15 километров. Сейчас во Владивостоке, на острове Русский к саммиту ЭТС строится мост — километров 5 через море. И к 2012 году, именно к саммиту, мост, как миленький, будет стоять. Что по

нему будут возить — дело темное. Но я вам скажу, чем больше будет мостов, тем больше будет у стран и у людей уверенности в том, что, может быть, нам стоит жить более мирно. Когда моста нет, ну, и ладно. А вот если он есть, то и с властью разговор будет другой. Сейчас открылось новое окно для экономического и политического сотрудничества — вот это и надо сделать как можно быстрее. Надо мост — будет мост. Владимир Леонидович, если коротко, говорил: «Дорогая Украина! Россия пошла заниматься своими делами.» Кто-то из вас сказал: Европа не хочет, НАТО забалтывает, а мы смотрим, что-то не идет у вас, а вы не хотите вместе. Потом, когда мы договоримся, то и вы придете. Подождите, а наши интересы не учли. Я думаю, что уже через 5-10 лет Россия дотянет «Южный поток» и «Северный поток»,

ВСТО дотянет до Китая, сдаст Бурейскую ГЭС и построит новую Бурейскую ГЭС, осуществит грандиозную ядерную программу, проведет Олимпиаду в Сочи, построит огромное количество дорог, проведет во Владивостоке саммит ЭТС, реализует много военных проектов и без вас. А вы не хотите принять участие в этом большом имперском деле? Не на правах страны-мост, страны-труба, страны-транзитер. Когда Украина была трубой или транзитером в добрые старые годы?! Это такой субъект был, больше чем Россия, принимал участие в формировании империи. Зачем вы сами себя загоняете на задворки? С одной стороны, вы – задворки Европы, с другой – задворки России. Зачем?

О.А. Горбунов:

У меня небольшая реплика. Я хотел бы уточнить одну деталь, которую сказал Виталий Алек-

сандрович. Вы сказали, что Украина хочет быть симметрично интегрирована в евразийское и европейское пространства. А когда началось обсуждение о вхождении Украины в Таможенный союз, в администрации президента заявили: мы не можем, потому что мы в ВТО. У Дениса Игоревича прозвучал тезис: если вы хотите быть симметрично интегрированы, Россия предлагает варианты, которые надо обсуждать, прежде всего тарифное законодательство. Это – не проблема для существования других региональных таможенных союзов, как АСЕАН, Меркосур. Они все прошли через это и успешно.

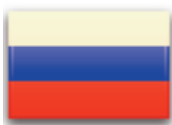
В.А. Кулик:

Если мы говорим о Таможенном союзе, то вопрос не стоит о членстве в Таможенном союзе. Вопрос стоит о формуле, в которой Украина может

взаимодействовать в Таможенном союзе. То есть 3+1 – вот формула, которая сейчас устраивает Украину. Конечно, мы не будем членами Таможенного союза, также как и членами Евросоюза. Но мы сейчас говорим о зоне свободной торговли в Европейском союзе – рано или поздно она будет. Для Украины целесообразно сделать Таможенный союз с Молдовой, а потом, когда Россия станет членом ВТО, и с Россией. И будет замкнутый цикл.

А.Г. Оганесян:

Спасибо всем участникам за интересные и откровенные выступления. К сожалению, временные рамки нас поджимают, и мы вынуждены поставить точку в нашей сегодняшней совместной работе. Завтра мы будем обсуждать не менее актуальную тему о едином культурном пространстве России и Украины.

Дискуссия третья на тему:

Диалог культур, или единое культурное пространство

А.Г. Оганесян:

Заявленная планка конференции у нас достаточно высокая. В первой сессии мы обсудили вопрос о приоритетах и ресурсах новой политики в двусторонних отношениях России и Украины, во второй - тему «треугольника» Россия – Украина – ЕС. И, наконец, неизбывная тема: «Россия – Украина» – диалог культур или единое культурное пространство»

Для России Украина, как и Россия для Украины, и их отношения – предмет, выходящий далеко за рамки чистой политики. Это самоценная тема, тесным образом связанная с вопросом восточнославянской цивилизации и самоидентификации. Вот почему узко-прагматическая формула Бжезинского о том, что Россия без Украины не может считаться великой державой, мало что объ-

ясняет. Поскольку даже вопросы самоидентификации русские и украинцы не могут решить друг без друга, то есть отдельно, каждый для себя.

Пожалуйста, Андрей Николаевич.

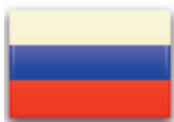

А.Н. Окара:

Я думаю, что на данном этапе исторического развития самые актуальные большие общности — не этнические и не религиозные, а цивилизационные. И в этом смысле, конечно же, современная Россия, Украина, Беларусь, а также Молдова, Грузия, Армения, Греция, Сербия — это составляющие восточно-христианской цивилизации. И, в общем-то, это тот формат, на котором, как мне кажется, мы можем заявлять и предъявлять миру какие-то новые миростроительные идеи. Поэтому что, к сожалению, в со-

знании российской интеллигенции происходит отождествление российского и восточно-христианского. Но в том-то и интерес, что восточно-христианская культура, точнее восточно-христианские культуры очень разнообразны. И немало интересного, чего нет в России, есть в других странах. Это как раз надо сейчас использовать, стараться как можно больше синтезировать и находить инновационность миростроительства.

Эпоха национального государства, которая отсчитывается от Вестфальского мира 1648 года, — это как раз тот формат, который сейчас для нас является актуальным. Формат нации, точнее, формат народа как этнокультурного единства — это тот формат, который актуален в эпоху модерна. Для эпохи модерна характерно проектное существование субъектов. В эпоху модерна нации не существуют сами по себе, они создаются какими-то субъектами. Бенедикт Андерсен считал, что таким субъектом является национальная культурная элита. И в этом смысле, существует русский народ, и он

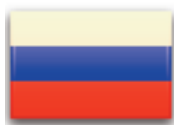

разделен на три суб-этноса. И вражеские силы из германского генштаба, из Ватикана, из Австро-Венгерской империи и Польши пытаются разделить триединый русский народ и навязать одной ее части название Украина и Россия, т.е. РСФСР. Это значит, что там должны жить русские. Перепись 1927 года свидетельствует о том, например, что в Краснодарском крае те, кто считал себя украинцами, составляли около 40 %. А перепись 1937 года говорит о том, что таких там 3 %. Т.е. кубанские казаки как суб-этнос в начале 1930-х гг. были идентифицируемы как украинцы, а в конце 30-х гг. — как русские.

Понятно, что советская модель нациостроения отождествила русских с великороссами, то, что в просторечии называют кацанами. Соответственно существует новая эпоха — новые нациостроительные проекты. Тот проект о триедином русском народе не был одним единственным, просто за ним стояло государство. Согласно другому проекту, белорусы и украинцы — это не часть триединого русского народа, а это отдельные народы. Эти проекты существовали параллельно. О них можно говорить, если иными моделями, кроме конспирологических, невозможно

объяснить логику этногенеза и, главное, нациогенеза. Таким образом, можно сказать, что все придумали враги. Это в традициях авторитарных политических систем: любой вызов, любую проблему пояснять врагами, действиями недружественных сил.

Впервые модель триединого русского народа упоминается в книге, написанной монахами Киево-Печерской лавры. При помощи этой книги украинская шляхта, украинское духовенство участвовали в создании и управлении Российской империи. Эта идентификационная концепция была как мягкая сила украинской культурной

элиты по участию в Российской империи. То же самое - Советский Союз. СССР существовал, когда был консенсус по линии Москва - Киев. Советский Союз перестал существовать, когда этот консенсус перестал действовать. Плюс, когда внутри России столкнулись две идентичности: Россия как СССР и Россия как РСФСР. Почему я это говорю? Более искусственного языка, чем русский язык, из больших языков больше не существует. Почему? Потому, что любой язык - искусственный, это язык культурной элиты. Русский - это язык, который существовал при очень большом влиянии церковно-славянского языка в его македонской версии.

А.Г. Оганесян:

Какой проект в эпоху модерна Вы считаете жизненным и оправданным?

А.Н.Окара:

Мне представляется, что создание нациостроительных больших проектов - это тоже очень сложная работа, которая происходит в некие определенные моменты, когда нация находится на подъеме. Когда она находится не на подъеме, получают такие эрзац-проекты, например, суверенная демократия - идеология доминирующей элиты. Сейчас в качестве эффективного проекта разрабатывается проект Русского мира. Мне представляется, что такие проекты неэффективны с той точки зрения, что Патриарх говорит, что Русский мир - это там, где говорят на русском языке. Получается, что украинский и белорусский языки - это враги, конкуренты. Эти идентичности не вписываются в Русский мир.

В.А.Кулик:

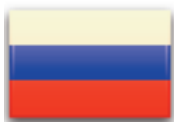
В концепции Патриарха

речь идет о некой культурной общности, не о государственной общности. Это выше - это сокральные категории.

А. Н.Окара:

В 2008 году Кирилл на рок-фестивале в Киеве говорил: «Россия-Украина-Белорусь, а вместе - Святая Русь». Эти слова приписываются Лаврентию Черниговскому, хотя люди, которые его знали, говорят, что он такого не говорил. Если бы Кирилл говорил, что Русский мир - это пространство церковно-славянского языка, это один подход. Но в его высказываниях о Русском мире одним из главных факторов Русского мира является русский язык.

Во-первых, в этой ситуации эффективнее говорить не о Русском мире, а о восточно-славянском мире. Во-вторых, эффективно говорить, что восточнославянский мир - это культурное и культурно-политическое пространство. Все вопросы и все исторические проблемы, которые существуют между славянскими народами, переводятся в формат не идеологических разборок, а в формат личных разборок на уровне людей. Идентичность цивилизационного пространства поствизантийского как восточно-христианской цивилизации,

56

частями которого, помимо России, Украины и Белоруссии, являются еще 13 стран, включая Грузию и Армению. В этом пространстве существуют те ценности, начиная с антропологии, которые были не эффективны в эпоху господства протестантской этики, но сейчас кризис проекта модерна оставляет свободное пространство, на которое можно выкладывать свои козыри.

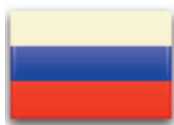
С. А. Марков:

У нас прекрасно относятся к украинцам как к людям, у нас прекрасно относятся к украинцам как к жителям Украины, у нас прекрасно относятся к стране Украине, к

языку украинскому прекрасно относятся. Вот на моей кафедре «Политология» философского факультета МГУ, который я закончил, - много лет там работал, всегда при защите каких-то диссертаций, - собираются люди, начинают петь песни сначала русские, потом переходят на украинские. Всегда все вместе пели эти песни.

Я буду говорить слово «мы», чтобы было понятно, кого я имею в виду. Под «мы» я имею в виду Партию дружбы России, и Украины, которая, естественно, включает в себя и граждан России и граждан Украины. Цели нашей Партии дружбы России и

Украины простые. Во-первых, это максимальный союз России и Украины, союз, прежде всего, в области экономической – единое экономическое пространство, это максимально близкий политический союз и это, естественно, сохранение православного единства наших народов. Вторая цель у нас - это защита прав русско-культурных граждан Украины. В этом смысле, любая моя критика в адрес властей Украины в этом отношении не является вмешательством во внутренние дела, поскольку соответствует современному западному праву, как вы знаете, защите прав человека, не яв-

ляется внутренним делом любого государства, в том числе проблемы прав человека русско-культурного не является внутренним делом Украины. Поэтому здесь претензий к нам быть не может. Это право может быть представлено в политических органах власти в полной мере. Право, в том числе означает говорить в парламенте официально на русском языке, право иметь образование для своих детей на своем родном языке (на русском), право иметь свободные средства массовой информации на русском языке. И, естественно, русский язык, как второй государственный язык, является естественным правом этих граждан.

В. А. Кулик:

Я хотел остановиться на двух моментах. Первое – это то, какого будет отношение украинской власти к исторической дискуссии. Есть определенные предпосылки говорить о формировании Партии регионов нынешней власти, формирование определенного взгляда на диалог с Россией. Естественно, там не будет идти речь о ересь, о которых говорил Окара, российском взгляде на украинскую историю. Практически будет идти речь о советской концепции на историю. Концепция Академии наук Украины, которая

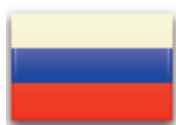
была заложена в 1989-1991 годах, будет основополагающей. И на ее основе будет стоять Партия регионов дальше. Концепция о триединном русском народе – Россия, Украина и Белоруссия как выходцы из Киевской Руси – это наше общее прошлое, но наше будущее зовет к общим целям, но разными странами. Соответственно будет происходить идеологическое и историческое обеспечение создания нового политического мифа, скорректированного под интересы Партии регионов сейчас. Как никогда, Киев сегодня заинтересован в том, чтобы мы отказались от того, что называется парадигмальные войны.

А. Г. Оганесян:

По поводу искусственности языков и искусственности

нации. То, о чем говорил Андрей Николаевич, и о Вашем дополнении. Я думаю, что это понятие надуманное. Искусственных языков нет. Правильно Александр Сергеевич говорил об элементах финно-угорских и старославянского языков. Между прочим, в 19-м веке в некоторых семьях – а их было немало – и на Украине, и в России в домашней атмосфере говорили на старославянском языке. Вот камо грядеша так и говорили, ни на русском, ни на украинском. Старославянский или церковно-славянский – язык объединяющий. Кстати, старославинизма в украинском языке гораздо больше, чем в русском. Искусственных языков, как и народов, нет. Они развиваются гармонично и впитывают в себя то, что впитывают как растущее дерево.

57

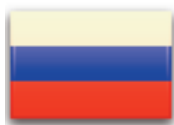

А. С. Ципко:

Я хочу Вас поддержать. На мой взгляд, чрезвычайно важной и конструктивной идеей - к сожалению, русская политическая элита этого не понимает, - является то, что термин Русский мир важен только с языковой, культурной точек зрения, но никакой интегрирующей, объединяющей роли не играет. Я всегда привожу такой пример: выпускники Одесской, самой престижной, гимназии на Соборной площади говорят исключительно на русском языке, не принимают украинский язык, но все они - сторонники включения Украины в

НАТО. То, о чем говорил Андрей Николаевич, очень важно. Если вы хотите сохранить влияние в бывших советских республиках - на Украине, в Белоруссии - и еще в Восточной Европе надо говорить о восточно-славянском мире. Не надо забывать, что славянофилы не случайно называли себя славянофилами. Посмотрите тексты Аксакова, Кириевских и других. Они болеют за восточнославянское. Слово «Россия» появилось после объединения с Украиной и после третьего, по-моему, раздела Польши. До этого была Московская Русь. И вот, кстати, всех оскорбляющее

словосочетание великороссы и малороссы. Оно соотносилось не с понятием Россия - отсюда и все эмоции, особенно Ющенко - а с понятием Русь, т.е. с тем коренным понятием, которое не было разделяющим. Когда я был на экскурсии во Львове, гидом был абсолютно нейтральным человеком. Он рассказывал, когда со Львова везли соль в Московию, так они называли себя малороссами в том смысле, что они принадлежали к маленькому Русскому миру, потому что ехали в мир большой. И ничего больше, никакой другой нагрузки не было.

У Карамзина нет слова русский. Мы накладываем эти современные идеологические конструкции, не имеющие отношения к нашей национальной истории и которые во многом носят провокационный характер с обеих сторон. На мой взгляд, если российская политическая элита хочет сохранить влияние на Белоруссию и Украину, больше надо говорить о славянском единстве, о восточнославянском единстве. Ведь наша политическая элита не едет на Славянские соборы и т.д. Я слышал от помощника Лукашенко еще лет 10 назад такие слова: вы никогда не объединитесь разговорами о Русском мире, но если вы проявите интерес к славян-

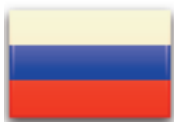
скому миру, если вы будете говорить о славянстве, подчеркивать родство как славянства, у вас есть шанс.

А. Н. Окара:

Советская концепция исторической школы, которая возникла в 20-е годы, была синтезом российской государственной исторической школы, т.е. Карамзин, Ключевский, Соловьев и школы Грушевского, Антоновича и других. Практически идея о триединстве народа была объединена с идеей о трех народах, совсем не имеющих ничего общего. Тогда появилась концепция – три братских народа имеют одного предка в виде древнерусской народности – компромисс двух школ.

А.Г. Оганесян:

Мы в России придерживаемся мнения, чем меньше священства в политику и больше исполнения законов не только в пользу государства, но и церкви. Эта традиция не столько византизма, сколько цесаропапизма: объединить государство и церковь. Надо сказать, что нельзя отделить церковь от общества. Государство имело тенденцию, как это было в советские времена, отделить церковь от человека, от молодежи, от общества. Этого делать нельзя, потому что без поддержки церкви и ее активного интегрирующего начала на восточнославянском пространстве, мы можем попасть в массу лову-

60

шек и проблем. Александр Сергеевич – молодец, что вспомнил о понятии малороссы. Есть подробный филолого-исторический анализ возникновения этого понятия. Малая – это когда Россия была малой и откуда она пошла. Это смысл параллельный понятию детинца в Кремле. Это понятие Малой родины, где мы родились.

А. Н.Окара:

Константинопольские патриархи писали в грамотах, начиная с 15-го века, Малая и Великая по аналогии Малая и Большая Греция. Кстати, слово Россия греческого происхождения.

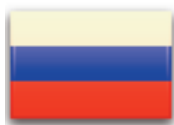
А.Г.Оганесян:

В контексте русской истории – мы все же не можем проецировать византизм в нашу конкретную историческую среду.

Д.И. Кирюхин:

Я хочу представить несколько тезисов в рамках обсуждаемой нами темы. Прежде всего, касательно темы идентичности Украины. Внимательное изучение этой проблемы демонстрирует очень сложные процессы идентификации, которые сейчас происходят на Украине, процессы, происходящие по-разному в разных регионах страны и носящие разновекторный ха-

рактер. Это и этнокультурная идентификация, и идентификация в качестве гражданско-политической. Виталий Кулик упоминал о том, что изначально украинская идентичность строилась в противовес польской. А Сергей Александрович Марков говорил о том, что украинская идентичность строилась в противовес российской. А мне кажется, что между двумя этими позициями нет кардинального противоречия, поскольку речь идет об историческом процессе, смене идентичности. В качестве маленькой иллюстрации такой пример: если взять карту города Тернополь, то мы увидим – идет улица Рус-

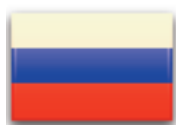

ская (улица старая, свидетельствующая о какой-то четкой идентификации граждан в противопоставлении себя Польше, Австрии, Венгрии), которая плавно переходит в улицу Бендеры. Этот переход, реально обозначенный на карте, мне представляется довольно символическим. Если в начале 20-го века, вопрос о противопоставлении себя Польше, Австрии, Венгрии был доминантным, то очевидно, что формирование украинской идентичности уже в 90-е годы шло в другом направлении: противопоставлении себя с Россией. На самом деле, ситуация в Украине во многом похожа на ситуацию в Восточной Европе. Речь идет о конституировании

гражданско-политической идентичности на этнокультурной основе. Этот тренд оказывается доминантным, и он остается доминантным не только для Западной, но Центральной и Восточной Украины. Очень интересный результат наш Институт получил при исследовании русского языка в Украине. Он зафиксирован в изданном двухтомнике. Особенно в российских СМИ распространена позиция о том, что русскоязычный гражданин Украины – это сторонник России. На самом деле это не так. Мы обнаружили, внимательно исследуя эти процессы, – политическая, этнокультурная и лингвистическая идентификация – что у значительной части укра-

инских граждан есть конфликт между разными идентичностями на уровне одного человека. Так вот есть процент русскоязычных украинцев, которые крайне негативно воспринимают собственную русскоязычность.

Они воспринимают ее как некую ущербность. Этот процент незначительный, но он вполне заметный. Он даже как-то регионально локализован: центральные области Украины, которые были в советские времена насильственно русифицированы. Опрошенные граждане говорили: я был(а) бы украиноязычен(чна), если бы у меня была возможность учиться в украинской школе, ведь в советские времена были только

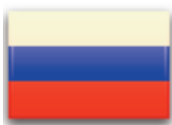

советские школы и вузы. Они являются сторонниками жесткой украинизации. Они предпочитают отдавать своих детей только в украинские школы, чтобы дети владели украинским языком. Когда говоришь об этнической идентичности, показательно, они говорят, что они — этнические украинцы, но при этом вынуждены говорить на русском языке, воспринимая это как собственную ущербность и даже неполноценность. Это свидетельствует о том, что даже русскоязычная часть украинского населения — это неоднородное, очень много-

слойное, многогранное явление. При этом подавляющее большинство украинских граждан (это показал и недавний опрос, проведенный в связи независимостью Украины) — 70 % являются сторонниками независимой Украины как на востоке, так и на западе. В этом отношении есть даже некий гражданский консенсус относительно формы сосуществования, что Украина должна быть независимым государством. Спор уже идет о том, какое содержание вкладывается в концепт независимого украинского государства. Мне кажется, что у

нас сейчас есть проблема недостатка концепта государства, которое строят. Я как-то читал газету «Выборча» и обратил внимание на очень горячую дискуссию в связи с «перезагрузкой» российско-американских отношений: как строить США отношения России и Украины в новых условиях. Доминировали две позиции. С одной стороны — а, ну ее, Украину, Россия — мощный энергетический, экономический партнер. Пусть Россия забирает Украину, мы будем строить отношения с Россией. Вторая — позиция сторонников Ежи Гедройца.

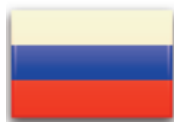

Они считают, что Украина не должна оставаться неким буфером между Россией и Европой, Украину надо втягивать в европейское пространство, противопоставляя ее России, - это, мол, часть Восточно-Европейского сообщества, отличное от России. Позиция Гедройца — одна из доминирующих составляющих польской внешней политики во времена братьев Качинских. Перед Украиной очень часто ставят выбор: вы с нами или с ними, с Западом или Востоком (Россией). С российской стороны мы видим такую же позицию. По большому счету, перед Украиной сегодня нет проблемы геополитического выбора. Перед Украиной есть задача не ска-

таться до уровня стран третьего мира с сырьевой экономикой, с дешевой рабочей силой, с пространством какой-то мелкой монеты в геополитических играх между большими государствами. Потому что такой риск есть, учитывая усиливающуюся роль России. Сейчас США этому вопросу внимания не уделяют, и мы понимаем, что это ненадолго. Перед Украиной стоит задача приобретения собственной и внешнеполитической, и идентификационной субъектности в контексте того, что часть европейских интеллектуалов типа Гомбровича говорят об особой восточно-европейской идентичности — хранительницы культуры Европы,

которую потеряла Старая Европа.

Одним из мощных идеологических трендов в Украине на сегодняшний день — это концепт европейского выбора, идеологический концепт. Он тоже не един в своем понимании. По моему мнению, в украинском обществе нет консенсуса понимания относительно того, что такое европейский выбор, поскольку для значительной части населения — это выбор антироссийский. Не желая принимать европейские нормы права, цивилизованных гражданских отношений, часть украинской элиты использует термин европейского выбора как способ противопоставления России. Для другой части населения,

и элиты в том числе, европейский выбор – это, прежде всего, политико-правовой, выбор демократических ценностей и выбор правового пути развития государства. Украина сегодня такой многослойный пирог, где нет еще доминирующей тенденции, но есть некие основы. Мне недавно социологи рассказывали, что приезжали американцы на предмет изучения украинского общества, на предмет того, а почему у вас нет до сих пор гражданской войны при таких разнополярных позициях. Украинское общество содержит в себе больше компромиссных позиций, чем это можно представить, общаясь только с политическим классом. На самом деле, позиционирование политиков на крайних радикальных позициях не отражено в обществе. Это колоссальный ресурс для сохранения единства страны и для стабилизации политической ситуации в стране, не позволяющей переходить в крайности. Есть компромиссная позиция и по вопросам языка, и истории. Мне кажется, что позитивной перспективной для Украины есть то, что в основе этой компромиссной позиции (и мы видим это по социологическим исследованиям) лежит представление граждан о том, что не надо навязывать свою точку зре-

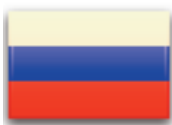

ния соседу, вызывая при этом только сопротивление. Вот этот компромисс и лежит в основе того, почему украинское общество стабильно и здорово на сегодняшний день. Оно серьезными конфликтогенными болезнями не страдает. Политики более радикализированы, более конфликтны. Касаясь темы отношений Украины и России, Виталий Кулик говорил о британском мире. Мне кажется, не менее перспективной была бы модель взаимоотношений между нашими странами по аналогии отношений Австрии и Германии. С одной стороны, у Австрии и Германии – сходное культурное пространство, но при этом – это два самостоятельных государства, имеющие общую идентичность. У нас сейчас очень сложный процесс выбора идентичности. Очень опасно навязывать Украине позицию или-или. Ющенко

в свое время сделал выбор в одну сторону – мы с Европой, вследствие чего мы получили обострение внутри Украины и внешнеполитические колоссальные потери. Такой выбор для Украины сегодня чрезвычайно опасен. Необходимо выбирать формы сотрудничества с одной и другой сторонами, вырабатывать единую экономическую позицию и гражданскую идентичность.

В.К. Мамонтов:

Я бы перехватил реплики предыдущего выступающего. Вы сказали, что за независимость Украины проголосовало 70 % опрошенных. Интересно, если бы среди россиян провели социологический опрос, сколько бы россиян были бы за независимость России. Я думаю, что получилась бы очень серьезная цифра. Если я честный социолог, я должен был бы задать следующий

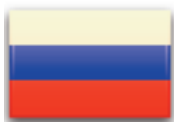

вопрос: а сколько россиян за братские и добрососедские отношения с Украиной, Белоруссией и другими народами, за единое экономическое и культурное пространство. И сравнил бы эти цифры. Иногда независимость, - что для нас, что для украинцев – это важный лозунг, стержневой, на который всегда надо отвечать ясно и точно. Вот - флаг, вот - гимн, вот - независимость. Если ты хочешь узнать, что у человека внутри, как он многообразен и интересен, то социология своими инструментами может нам посодействовать, но, увы, не содействует, выставляя на передний план то, что нужно.

Теперь о выборе Украины: с Востоком или с Западом? Да нет такого выбора. Я выскажу свою точку зрения. Перед Украиной стоит выбор – либо стать садовниками в саду Западной Европы, либо с Россией дальше строить большую, интересную и перспективную цивилизацию. Позиция России такова: давайте вместе создадим что-то большое и прочное. А другая сторона отвечает: вы стройте, а мы посмотрим, мы – маленькие. Какие маленькие? Эта тема о малороссах давно ясна для исследователей. Дискуссия о Малой и Великой Руси – забавная. Александр Сергеевич еще раз прояснил этот во-

прос и сделал это очень четко.

Перед Украиной и Россией стоят одни и те же вызовы. Нас тоже призывают, например, прекратить считать себя большими, крупными и яркими, нас тоже собираются загнать куда-то в садовники и т.д. Вы понимаете, о каких идеологических, политических установках идёт речь. Я всегда удивляюсь, когда мои собеседники легко отказываются от таких вещей, которые мне представляются очень важными. Мы будем развивать украинскую культуру. Как будто украинская культура – отдельная от русской или славянской культуры. Предлагают отказаться

матова – еще тому пример.

А.Н.Окара:

Давайте быть щедрыми. Они ведь, действительно, всем принадлежат.

А.С.Ципко:

Ты прав абсолютно. Недавно я читал предисловие к Ивану Аксакову, которого издает «Русский мир», и там написано: есть неполноценные русские – Бердяев, Бирюков, Струве и другие. Эта мысль принадлежит полноценно чистым русским. И тогда получается, что Пушкин, Гоголь, Булгаков и Тургенев – не чистокровные русские, и тогда ничего не останется.

Д.И.Кирюхин:

Ставится вопрос об отношениях Украины с соседними государствами. Большинство украинских граждан выступает за свободные границы как со стороны России, так и за безвизовый режим с Европой.

Далее. Украинская культура – что останется? Например, в книжном магазине во Львове есть отделы украинской и зарубежной литературы. В последнем – Гоголь, Булгаков, Короленко. Это, действительно, тренд националистический. Но при этом у нас есть пласт мощной русскоязычной украинской культуры, куда относятся и Гоголь, и Булгаков, и др. Большой проект с Россией.

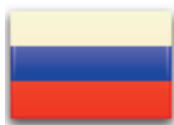
от Тараса Шевченко и Леси Украинки. Нас тоже призывают отказаться от Булгакова, от Разумовского, от советского наследия – то у нас десталинизация или еще какие-нибудь де.

66 Меня очень задело предположение, что Украина станет страной-транзитером. Украина – страна больше Франции – сама себе уготовила роль моста, трубы и транзитера. А зачем? Рядом есть другие интересные проекты. Надо иметь в виду, что Украина и Россия сами по себе очень сложные страны. Есть россияне, готовые сотрудничать с Украиной, украинцы – соответственно с Россией. Так и надо активно продвигать совместные проекты. Наши коллеги, которые другие проекты продвигают, – проект европейского садовника, а также проект страны-транзитера, – не стесняются. А вы ведь

сами говорите, согласно социологическому опросу, есть силы такие и иные. Я призываю тех, кто не желает быть садовниками, побольше задумываться и не торопиться отказываться от единой российской истории, совместной славянской и украинской, и от единого совместного будущего. Иначе неинтересные последствия ждут как Россию, так и Украину.

А.Г. Оганесян:

Очень трудно, на самом деле, не разрывать какую-то живую ткань. Когда мы говорим о соприкосновении миров Украины и России, мы просто начинаем путаться. Например, что осталось бы от Пушкина, если бы не было Украины, Кавказа, южных славян. Что бы в поэтике осталось бы? Я бы сказал, Пушкин принадлежит и России, и Украине. Анна Ах-

Я хочу сказать, что, например, для молодежи (как украинской, так и русской) Россия проиграла борьбу за престиж с Европой. Прежде чем говорить о большом проекте, надо выиграть борьбу за престиж.

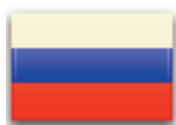
В. А. Жарихин:

Я хотел прокомментировать то, что сказал Денис Игоревич. Кто в России считает, что все русскоязычные - поголовно пророссийские? Я вспоминаю великого украинского писателя Булгакова: не читайте по утрам советских газет, тогда и не будет создаваться такое впечатление. Никто из тех, кто серьезно и внимательно следит за ситуа-

цией на Украине, так не считает. Кстати, по поводу — на Украине, в Украине. У меня была опубликована статья, посвященная 19-летию независимости Украины, где я написал, что за эти годы украинцы так и не приучили россиян говорить «в Украине» вместо «на Украине». Но зато в России все поняли, что независимость Украины — это долго, если не навсегда. По поводу ущербности и самоидентификации жителей Центральной Украины. Можно, конечно, ссылаться на русификацию, которая сменялась украинизацией и наоборот. Но мне кажется, что это явление современ-

ное, связанное с тем, что людям внушается, что настоящий украинец — патриот своей страны — это тот, кто умеет говорить по-украински. И больше того, это тот, кто мыслит по-украински. И поэтому эта навязанная ущербность — продукт современных политтехнологий, а отнюдь не продукт исторического груза.

Теперь по поводу геополитики. Вы с нами или с ними? Выражаясь высоким штилем, именно сейчас, параллельно нашему заседанию, идет совещание во Франции, где на руинах неудавшегося западноевропейского модернизационного проекта идет попытка создания проекта

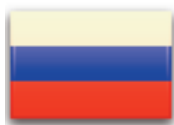
«Большая Европа». И собственно говоря, именно Украина в максимальной степени, с моей точки зрения, должна быть заинтересована в том, чтобы проект получился. Я имею в виду совещание Медведева, Саркози, Меркель. Вы ссылались на европейцев. Не случайно, что в большей степени ими оказывались поляки. Они считают, что когда Россия и Германия дружат, то Польша нет. И у них, к сожалению, для этого есть серьезные исторические основания. Поэтому - это уж точно - никакими мостами не построить сотрудничество России и Украины в обозримом будущем, сколько бы с виду не улучшались наши отношения. Какая проблема? Для поляков - это органическое состояние. В конце концов, лозунг «за нашу и вашу свободу» - ориентировка на американцев - родился не в 20-м, не в 21-м веке. Навязывание этого выбора - вы с нами или с ними - становится проблемой именно для

Украины. Вернемся к раскрытому образу, от которого Владимир Константинович уже камня на камне не оставил (по поводу этого моста). Вот строительство моста поперек Украины как некоего барьера, как некой модели - чем дальше от России, тем ближе к Европе - по сути, но верно Украину раскалывало, потому что этот мост строился вдоль Украины, вдоль Днепра. И для Украины, с моей точки зрения, исключительно важно наметившееся конструирование Большой Европы, которое снимает эту большую проблему. Эти модели, кроме польской заинтересованности, - это позиция заокеанской украинской диаспоры, для которой эта идея, идеология важнее того, что произойдет с Украиной, в которой они давно не живут. И в первую очередь эта диаспора отстаивает интересы своей новой родины, а во вторую - интересы страны своего происхождения. Я надеюсь, что

следующие переговоры и совещания по поводу строительства Большой Европы ни к чему не приведут. Слишком уж много там незаинтересованных сторон, начиная с США и заканчивая Китаем. Я хотел бы, чтобы на встречах по этому вопросу участвовал и руководитель Украины - самой большой и страны на Европейском континенте.

О.А. Горбунов:

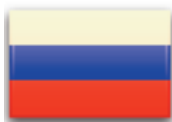
Много говорилось о молодежи. Я, как представитель молодежи, хотел бы вот что отметить. Я часто посещаю западно-украинские форумы, где принимает участие активная политически молодежь: та, которая ходит на митинги, та, которая обсуждает эти проблемы за университетскими скамьями. Всегда, когда говорят о триединстве, о том, что малороссы - это не оскорбительная вещь, молодежь априори это понимает как нападки на их идентичность. Тяжело разрушить этот узел, поскольку

глубоко сидит это понимание попыток России, с их точки зрения, унижить малоросскостью и триединством. Переломить эту тенденция на аргументированном разумном уровне просто бесполезно – это мартышкин труд. Хотелось пару слов сказать о церкви. Тут говорили, чтобы попы не лезли в политику, но получилось так, что политики у нас часто много негатива выливают на наши отношения, когда вспоминают нефтегазовые конфликты. А когда говорят о патриархах, вспоминают горящие глаза верующих, в том числе западных украинцев, которые традиционно считались антироссийскими, которые приходили и приезжали за много километров и слушали Патриарха в захлеб. С информационной точки зрения Патриарх приносит очень много позитивного. Что касается молодежи, то надо признать, что она не

просто утратила некое доверие и привлекательность к России. Да, так и есть, потому что давайте посмотрим на их обученное представление, что есть Россия, что есть продвижение молодежи во властные структуры России. На поверхности у нас лифты, те кремлевские молодежи. Сверстники воспринимают их как людей, которые присосались к власти, которые ничего не имеют, но пытаются защитить их интересы. Конечно, такая модель – молодежь и власть – не устраивает. Обычный украинский студент не поедет делать карьерный рост в Россию, он предпочтет поступать в один из западноевропейских вузов, т.е. стать вполне respectableм средним европейцем, попытается им стать – как бы всех ждет определенное садовничество. Молодежь, видя все это, уходит от обсуждения этих политиче-

ских проблем. Если внимательно взглянуть в молодежное движение, которое в последнее время происходит, то возникает очень много молодежных площадок, которые принципиально не касаются политических проблем, уходят от любого обсуждения личностей, деяний политиков. Социальные сети – это важный ресурс молодежных контактов, который уже существует, где зарегистрированы более 40 миллионов молодых людей не только Украины, но и всего постсоветского пространства. Гигантский ресурс, который уже работает без вмешательства широкой общественности. Я думаю, что таких площадок неполитического общения молодежи будет становиться все больше и больше – это молодежная политика Украины и России завтрашнего дня, потому что создание неких политиче-

ских мостов, тоже априори, будет вызывать отторжение, потому что политика с ее негативом молодежи совсем надоела. Есть другая повестка дня, которая более привлекательна и актуальна для представителей с улицы, для молодых. Это – трансграничные наши контакты между приграничными областями, студенческие обмены, оптимизация трудовой миграции, контакты между малым бизнесом. Это та повестка дня, которая, может быть, не вписывается в межкультурные контакты, но, тем не менее, их включает и очень важна для представителей наших народов. Но эту площадку мы пока еще совсем не опробовали. Зачастую углубляемся в некоторые научные дискуссии, в общую геополитическую проблематику, но забываем о тех вопросах, которые помогают очень эффективно решать проблемы. Вот исторический пример. Кадетская партия в конце 19-го века стала заниматься земскими малыми делами и на этом поприще завоевала немалую популярность в России. Если России не удастся построить большие геоэкономические проекты с Украиной, то, может быть, стоит сделать акцент на более мелких, но перспективных проектах: трансграничное сотрудничество, общее формирование погра-

ничных евровегионов.

А.Г.Оганесян:

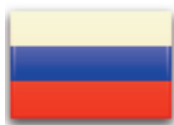
Очень интересное выступление. Я присоединяюсь к Олегу Александровичу. Вот эти, казалось, не напрямую культурные, вопросы трудовой занятости, миграции – это, по сути, маршруты культуры. На этих плечах культура и взаимодействует. Люди же общаются. Мы поднимаем научный диспут, забывая о малых дорожках, которые сливаются в приличный человеческий обмен, равно как и девальвация политики в глазах молодежи. Это, к сожалению, происходит и в России, и на Украине. В России в меньшей степени. Виновата политика.

О.А. Горбунов:

В Украине политика – это шоу. Даже можно посмот-

реть по сетке вещания телевидения: когда вечером в Украине идут политические дебаты, то в России в это же время идут развлекательные программы, такие как «Танцы со звездами». Т.е. для украинцев политика – это что-то вроде «танцев со звездами».

К вопросу о менталитете. Когда мы с ребятами собрали молодежный круглый стол на тему «Формирование украинской и российской единой политической нации», зашел разговор о формировании украинско-российского менталитета. Говорилось о том, что у каждой страны разный менталитет, хотя считают, что он у нас с Украиной один и тот же. На самом деле, он разный. Сейчас формируется свой особый украинский менталитет, как

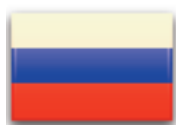
говорил Александр Сергеевич, - это «запущенный инерционный процесс раздробления». В России более спокойная политическая культура, можно сказать, более скучная и вялая. В Украине - это бурление страстей, которое определенным образом приучило народ, в том числе и молодежь, к восприятию этого и постоянно есть запрос на эпатаж со стороны политики. У нас это было, но в 90-е годы. Прошло уже 10 лет после этого.

В.А.Кулик:

Я хочу сначала сказать по

поводу того, как надо говорить правильно: «в Украине» или «на Украине». Есть хороший анекдот на эту тему: «Выступает представитель РФ во время переговоров по цене газа и говорит, что мы предлагаем цену за газ на Украину 250 долларов за 1000 кубометров газа. Украинский представитель просит учесть, что не «на Украину», а «в Украину». После этого снова выступает представитель «Газпрома», г-н Миллер, и говорит, что теперь цена газа «в Украину» - 450 долларов за 1000 кубометров газа. Вот такова цена по-

литической маржи «на» - «в». Еще я хотел бы сказать по поводу лозунга «вместе в Европу». Этот лозунг впервые был выдвинут в 1999 году известным украинским политиком Андреем Деркачем, был подхвачен и обсуждался некоторыми российскими политиками. Тогда, в 1999 году, Украина оказалась в ситуации изоляции после двух скандалов - «кассетного» и «кольчужного». А русские поддерживали этот лозунг - «вместе в Европу». Тогда велись переговоры Украины с Европейским союзом, вдруг вмешивается Россия с пред-

ложением договориться за Украину, без участия Украины. Я хочу сказать, что вот таких схем лучше не предлагать. Мы также знаем, что сейчас активность нашего МИДа при Януковиче и наши инициативы - ассоциации, зоны свободной торговли и наша самостоятельная позиция в Европе - вызывают определенное беспокойство в Кремле. Когда мы начали говорить вместе с Россией о приднестровском урегулировании, это вызвало очень большое неудовлетворение в Европейском союзе и США. Мы это прекрасно понимаем. Как только Украина начинает вести свою самостоятельную или активную политическую линию, это беспокоит

наших партнеров на Западе и на Востоке. Давайте говорить о выработке алгоритмов и совместной площадке, которые удовлетворили бы и Украину, и Москву для нашего общего продвижения и развития. Мы можем присоединяться и активно участвовать в общих проектах только тогда, когда есть и политическая, и экономическая выгода для Украины. Нужны такие проекты, а не пустые идеи и лозунги, очередные новые мифы. Это вызывает только недоумение. К чему присоединяться, если ничего нет?

А.Г.Оганесян:

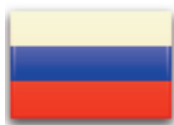
Я абсолютно и полностью согласен с этим. По поводу лозунга и стремления Рос-

сии в Европу - у нас нет такого лозунга. Он пока как совершенно белый лист. Мы можем рисовать на этом листе все, что угодно. Те переговоры, которые мы ведем с Европой, это именно переговоры, это как две торгующиеся стороны. Но я рассматриваю это не как миф и лозунг, а как возможную рабочую площадку. Россия просто пока не определила для себя никаких приоритетов, никакой маршрутной карты, как она должна идти в Европу, сближаться с ней.

В.Е.Соловьев, директор Института Стран СНГ в Севастополе:

Я не являюсь политологом. Но то, о чем мы сейчас говорили, связано с тем, что

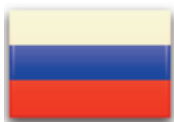
72

мы пожинаем плоды еще той недальновидной политики России, которая проводилась после распада СССР. Мне кажется, что очень много было уступок у России для того, чтобы не дестабилизировать обстановку на Украине. Этот затяжной момент привел к самостоятельной Украине и определенной политике России. Когда говорили о языке и культуре, мне как человеку своего поколения трудно было понять предмет спора. Я сам вырос в Тбилиси. Для меня было естественным, что существовал театр Армении, что изучался грузинский язык в школе. Но почему-то сейчас эти вопросы настолько обострились, что у людей появилась неприязнь. Мне кажется, что это было сделано теми политологами и политиками, которые этими проблемами занимаются. То, что сейчас мы говорим друг другу, станет достоянием разных передач, публикаций, и люди будут слушать то, о чем мы сейчас говорим. Я с удовольствием слушаю г-на Кулика, например, мне нравятся его выступления, его телепередачи. И то, что мы говорим и обсуждаем здесь, собравшись небольшим коллективом, очень важно. Прежде всего, важно понять, чего вы хотите в конце

концов, чего Россия и Украина достигнет своими действиями. Если вы хотите, чтобы эти два братских народа друг к другу стремились, делали общие дела, то нам это приятно. И совсем неприятно, когда идет полностью раздор. Мы сейчас провели две конференции: одну в Симферополе и одну в Севастополе на тему «Особый статус Севастополя и его реалии». И всем понятно, ничего бы этого не было, если бы в те времена был однозначно решен вопрос по Севастополю. А не так: сначала один президент

взял власть над всем флотом, потом другой президент взял власть над флотом, а потом начали делить всё пополам. Надо понять, что не вина людей, что в это время они оказались в этой стране, не вина людей, что они больше хотели жить в России. Но это ничем и никем не было подкреплено. Были всякого рода соглашения, которые ничем не подкрепляются. Время идет и человеку немного отведено. Люди видят, что если за это время - 19 лет - ничего не изменилось, то возникает вопрос, что будет дальше.

А.Г.Оганесян:

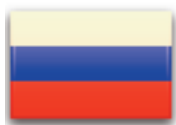
Спасибо большое. Сегодня этой темы мы еще не касались. Я хотел бы задать один вопрос, в первую очередь, нашим украинским коллегам. Это судьба русского языка при Януковиче. Мы не ощущаем существенных сдвигов и изменений в законодательной базе. Некоторые подвижки, конечно, есть - более либеральные по отношению к русскому языку на телевидении и радио. Мы сталкивались с этим вопросом, когда я возглавлял радиокompанию «Голос России». Это было, конечно, мучение, потому что тогда в Крыму подписанная Хартия о европейских языковых меньшинствах не была ратифицирована и нарушалась полностью. В Крыму, где доминирует русскоязычное население, не больше не меньше нам предлагали начать вещание на украинском языке, но за большие деньги. Как менеджер я был бы рад его начать, но тогда не было бюджета. Не было его и у «Голоса Америки» (в финансовом плане - это строительство целой редакции). Тем не менее, к ним тогда такие требования не предъявлялись. Радиовещание - непростое дело. Сейчас на Украине ситуация с русским

языком получше. Но это «получше» носит региональный характер, общая атмосфера вокруг русского языка не меняется. Не знаю, какого положение со школами. Думаю, что, наверно, ситуация заморожена. Но все-таки, какая сейчас ситуация с образованием на русском языке, с его статусом и его присутствием в украинских СМИ? Если можно, дайте ваш прогноз. Как Янукович и его команда будут реагировать на эту проблему?

В.А. Кулик:

Мой прогноз, если честно, в том, что ситуация неоднозначная, поскольку, вероятно, двуязычия у нас не будет. Это (двуязычие) не концепт нынешней власти. На то есть много причин. Одна из них - это то, что нет политического консенсуса даже в Партии регионов. То, что есть Закон о языках, который лежит в Верховном Совете, и то, что он пройдет после выборов, вызывает большие сомнения. Чисто арифметический прикид по голосам показывает то, что этот закон может не набрать голосов. Это не только из-за позиции Литвина, части «Нашей Украины» и так называемых «перебежчиков». В самой Партии регионов определенная часть может

не проголосовать за принятие этого закона из-за политической конъюнктуры. Есть еще один аспект - это мотивация существующей власти, ратификация языковой Хартии Украины - это не только отношение Украины к русскому языку, но и отношение к румынскому языку, к венгерскому. А отношения с Румынией - это настолько болевой узел проблем, которые есть у нас в отдельных регионах (на Буковине, особенно в Герце), об этом сейчас не говорят в Украине. Но на большинстве сельских и поселковых советах висит не украинский флаг, а румынский и венгерский флаги. И вопрос сепаратизма (это Северная Буковина) стоит там наиболее остро по сравнению с остальной территорией Украины (чем, например, в Крыму, на Донбассе), - это несравнимые вызовы для безопасности Украины. У нас не просто ухудшение отношений с Румынией, у нас коллапс отношений. По сути, практически политический диалог приостановлен. Это обострение не только отношений между странами, но и демонстрация силы на границе. Есть попытки румын фактически отобрать у нас остров Майкан на Дунае. Есть решение Гаагского суда по острову

Змеинному. Румыния ведет наступательную и агрессивную политику в отношении Украины по выталкиванию нас из транспортных коридоров на Дунае и в Черном море. Перекупаются заказы, Румыния допингует перенаправление аэропотоков и т.д. Это огромные деньги, наши на это не реагировали и не реагируют. За 19 лет отношений независимой Украины с Румынией только в 2009 году МИД Украины впервые изменил в официальных документах прежнюю формулировку: «Румыния как страна-партнер и локомотив украинской европейской интеграции». Теперь она - страна-конкурент Украины. Нам понадобилось 19 лет, чтобы понять, что Румыния - конкурент Украины на Черном море, еще больший конкурент, чем Россия. Украина является транзитером для России, а с Румынией мы не транзитеры, мы конкуренты. И вот такие вызовы и сдерживают вопросы языковой толерантности. Я думаю, что в 2011 году, когда будет рассматриваться новая редакция Конституции, вопрос о языковой политике будет нормализован и все-таки будет принят новый закон о языке, и, по сути, русский язык получит статус официального и регионального

языка. Но для этого надо, чтобы прошло определенное время. К сожалению, нынешняя политическая конъюнктура не предусматривает принятие этого закона.

А.Г.Оганесян:

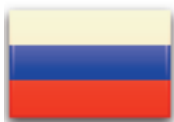
Очень интересные комментарии о Румынии, спасибо. Виталий Александрович, а статус русского языка как регионального - что это означает? В европейском понимании есть интерпретация этого термина «региональный язык». Несмотря на все их стандарты, каждая страна от Швейцарии до Бельгии подходит по-своему к этому понятию. И в чем разница: официальный и региональный языки? Чтобы мы поняли, а что изменится, если будет принято это решение. Да, с конъюнктурой понятно. Совпадают также и наши

предположения насчет того, что Янукович не будет сейчас проводить языковую реформу, даже если он этого хочет.

Д.И. Кирюхин:

Виталий Александрович рассказал про ситуацию с Румынией и Венгрией. А по поводу языкового статуса я могу сказать следующее. Коалицией зарегистрирован законопроект, предусматривающий следующую позицию: для языков, которые используются в каком-то регионе, например, в области, число носителей которого более 10% от общего числа проживающих, автоматически предоставляется статус регионального. Таким образом, русский, как минимум в 2/3 областей, станет региональным. Этот статус предусматривает обязательность открытия школ или

75

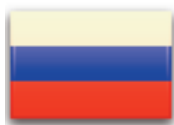

классов в школах с языком обучения на региональном языке. Судопроизводство ведется на региональном языке. Потом чиновники обязаны будут отвечать на письменные и устные запросы граждан на региональном языке, если обращение было сделано на этом языке. Это также возможность появления региональных СМИ, т.е. СМИ на региональном языке. Это и есть основные направления - получение образования, язык общения с чиновниками, СМИ. Это то, что локализовано в определенной области. Не везде русский язык получит такой статус. Присоединяясь к

сказанному Виталием Александровичем, согласно этому закону, если он будет принят, такой статус получат в определенных регионах и румынский, и венгерский языки, а в Крыму - и крымско-татарский язык. У нас нет правового или юридического понятия «официальный язык», это европейское понятие. У нас есть государственный язык - украинский. На нем идет весь документооборот, т.е. он является доминирующим. Он обязателен в школах. Если житель региона, где региональным языком является русский, обращается к органам государственной

власти, естественно, он обязан обращаться на государственном языке. Это предусматривается законом. У украинского языка официальный статус: на нем проходит служба в армии, милиции - все происходит на государственном языке. В армии не вводят региональный язык, в каждой роте и в каждом взводе свой. Де-факто государственный язык - это как европейский официальный язык. Это язык официальных органов власти и язык, представляющий государство, государственную систему.

В.А. Кулик:

Появление региональных языков и перспектива двуязычия и триязычия предусматривает перевод всей нормативно-правовой базы Украины на региональный язык. Нам будут необходимы огромные материальные средства для перевода нормативно-правовой базы на русский язык. Это огромный массив информации, огромный массив текстов. Если «Русский мир» и другие фонды России готовы спонсировать нам перевод нашей нормативно-правовой базы, то я думаю, что это ускорит процесс.

Если взять Крым, сейчас там 13 % татар. В системе государственного управления их всего лишь 4-5%, а в

судебном производстве - ни одного процента. Вы представляете, как вести судопроизводство на татарском языке, если ни одного татарина-судьи нет.

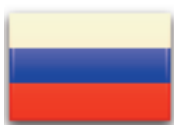
А.Г.Оганесян:

Я понимаю. Меня интересует политический вопрос – проблема Румынии. Кто-нибудь из политиков уже предпринимал попытки что-либо сделать в вашей сложной ситуации с Румынией? Вы видите какой-то ресурс помощи со стороны России или он не нужен Украине?

В.А. Кулик:

Да, вы знаете, нам, как и адвокату Украины в отноше-

ниях с Румынией, достаточно сложно. Мы знаем о контактах, не столько политических, сколько экономических контактах России с прошлым руководством Румынии, когда «Лукойл» получил определенную преференцию в Румынии. Тогда политика Бухареста и Москвы была синхронизирована в отношении Украины. Послания, которые появлялись в Бухаресте, тут же ретранслировались Москвой. Это были недружественные послания в отношении Украины. Сейчас ситуация другая: сейчас господин Т. Бэсеску ведет и антирусскую, и антиукраинскую политику. Больше даже антиукраинскую.

78

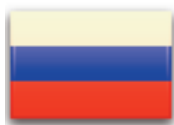
Единственный выход к синхронизации наших отношений с Москвой — это вопрос приднестровского урегулирования и отношения с Молдовой. Украина, как никто, заинтересована в независимой и нейтральной Молдове. Она готова быть спонсором этой независимости вместе с Россией, а мы готовы быть спонсором реинтеграции Молдовы. Мы говорим о территориальной целостности Молдовы, а что касается Тирасполя и Кишинева, то пусть сами разбираются. Пусть сначала они договорятся, определяют правила игры, а мы с Россией будем обеспечивать их реинтеграцию.

Но только на таком условии — сначала двусторонний диалог, а потом уже подключаемся мы. Румыния здесь не должна быть. А Румыния при помощи Европейского союза пытается влезть в процесс урегулирования. Хотя мы помним, что Румыния была стороной конфликта. И танки помним, и БТРы помним, оружие, инструкторы для молдавских волонтеров в 1992 году — сейчас все это прекрасно известно. В отношениях с Румынией, с одной стороны, это урегулирование приднестровского конфликта, но есть еще вариант — ОЧЭС — это Организация черноморского экономического со-

трудничества. В рамках ОЧЭС, куда входят и Россия, и Украина, и Румыния, и другие страны, возможно создание определенной платформы по безопасности, которая бы говорила и транслировала определенные послания о необходимости снижения температуры в отношениях между Румынией и Украиной, Румынией и Молдовой. Потому что до сих пор Молдова и Румыния не подписали договор о границе, а это — точка нестабильности во всем черноморском бассейне.

В.А.Кулик:

Во-первых, не нужно прерывать прорумынские

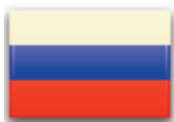

настроения в Молдове. Молдавская политическая элита прекрасно понимает, что они нужны румынам как братья, как другой румынский народ, но только тогда, когда они независимы от Румынии. Как только они станут частью Румынии, они будут гражданами второго сорта. Отношение к молдаванам в Бухаресте очень неоднозначное: как к меньшему брату. Это еще намного хуже, чем отношение в мифологическом сознании русских к украинцам. Поэтому я не стал бы говорить, что прорумынские силы победят и начнутся проблемы в самой Молдове. Есть другой вопрос, другая опасность - это сближение Кишинева и Бухареста, это откладывание на неизвестную перспективу приднестровского урегулирования. Это факт. С другой стороны, Кишинев играет в румынскую дипломатию, обещая, но ничего не делая. Еще Маркс говорил о Румынии как о государстве, что «румыны — это не нация, это профессия». В отношении румынской дипломатии это правильно сказано. И если такая политика будет навязываться, и не дай Бог, случится такая ситуация, что к власти в Молдове придут прорумынские силы и начнется пере-

ворот - процесс интеграции Молдовы в Румынию. Это будет означать распад Молдовы. Это значит - выделение Гагаузии как независимого образования, это однозначная сепарация Тирасполя и прекращение переговоров по Тирасполю. И тогда возобновится проблема севера и северных территорий Молдовы, где компактно живут украинцы. Сейчас в Приднестровье проживают 100 000 граждан Украины с украинскими паспортами. И до 5 000 граждан Украины живут на севере Молдовы. По сути, когда Украина защитит своих граждан, когда она будет состоять в миротворческой операции, и возможно признание Приднестровья. Возможны разные варианты. Сама молдавская элита (особенно молдавская молодежь) не видит будущего Молдовы на протяжении 40 лет, она считает, что Молдовы как государства не будет, что это несостоявшееся государство. Социологические опросы показывают ужасное будущее Молдовы - большое количество населения не верят в саму Молдову. Это вызов нашей безопасности, здесь нам нужна общая площадка совместно с Россией и другими странами для решения этой проблемы.

А.Г.Оганесян:

Интересная картина. Сейчас добавляется еще и гагаузская проблема. Я бы сказал, что это еще одна «заноза», чреватая весьма печальными последствиями. Но давайте подводить итоги. Я хочу выразить признательность всем участникам нашей конференции. И как модератор я должен сказать, что не ожидал, честно говоря, что наша конференция будет столь насыщена интересными мыслями и идеями. Не теми, которые можно отбросить, если ты с ними не согласен, потому что иногда отрицательный результат тоже результат. Нам важно было почувствовать и понять, как и под каким углом зрения украинская сторона рассматривает потенциально возможные пути реализации или нереализации. Я думаю, что ко мне присоединятся наши российские коллеги. Мы очень признательны экспертам, политологам и специалистам украинской стороны. Они пытались максимально представить и спрогнозировать, «без розовых вод», возможное развитие российско-украинских отношений и ближайших перспектив. Что касается нашей дискуссии по вопросам культуры, то я думаю,

что, конечно же, нам для такой дискуссии, наверно, нужно было бы больше времени и, может быть, больше участников. Но вспомню Круглый стол с французами, когда все в один голос говорили:

«Слава Богу, что у нас много участников!». Потому что, посмотрите, мы еле-еле вписывались каждый раз в график. И все-таки у каждого была возможность высказаться, аргументировать свою позицию и макси-

мально ее отстоять. Это очень важно! Если бы нас было больше, это было бы очень сложно сделать или потребовало три дня, а не 2. Спасибо всем вам!

80

Редакция журнала "Международная жизнь"
Главный редактор **Армен Оганесян**

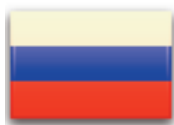
Руководитель электронного издания -
Валентина Злобина

Расшифровка -
Ольга Иванова
Елена Шашкина

Дизайн, макет, верстка, фотографии -
Антон Пантюхин

Адрес в интернете: <http://www.interaffairs.ru>,
электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Адрес: 105064, Москва,
Гороховский переулок, 14
Телефон: +7 (499) 265-37-81
Факс: +7 (499) 265-37-71

<http://www.interaffairs.ru>

